

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ЛУННЫЙ ДЕМОН

Ольга Геннадьевна Володарская

ЛУННЫЙ ДЕМОН

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3938915

Володарская О. Лунный демон : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58350-8

Аннотация

Те, кто приехал на остров в Тихом океане для съемок в реалити-шоу «Дикий рай», были такими разными... Певец-неудачник. Чемпион по бодибилдингу. Продавец с рынка. Королева красоты. Несостоявшаяся художница. Модель... Все они мечтали о славе. Кроме него...

Он мечтал о мести и, увидев в рекламе шоу одного из участников, не поверил своим глазам! Он приложил все усилия для того, чтобы тоже попасть туда, – на необитаемом острове жертва легко окажется в его власти... Он еще не подозревал, что вскоре сам станет не охотником, а мишенью. Ведь не зря местные жители называют этот остров проклятым...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	60
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Ольга Володарская

Лунный демон

Пролог

Эта ночь была не похожа на все предыдущие...

На небе не видно ни луны, ни звезд.

Нет ветра! Листья деревьев не шелохнутся. Они похожи на искусственные растения, стоящие в помещениях для красоты...

Тишина. Только изредка вскрикивают птицы. Их голоса напоминают то плач, то стон, то возгласы смертельно раненного человека.

Бабочки... Их очень много сейчас. Они все светло-серые, похожие на крупные хлопья пепла, взметнувшегося над костром...

Дьявольская ночь, таящая в себе опасность.

Это чувствовали все, кто не спал...

Их было трое.

Один мечтал о мести. Ему казалось, что сегодняшняя ночь самая подходящая для вендетты.

Второй хотел, чтобы ему никто не мешал достигнуть цели, и готов был убрать любого, мешающего ему.

Третий...

А вот третий не желал никому ничего плохого. Он просто проснулся в неурочный час, вышел на воздух и...

Почувствовал нечто враждебное. Во всем окружающем. Но он решил, что стал слишком мнительным.

Небо, напоминающее черную копирку, застывшие деревья, стоячий воздух, бесцветные, как тени, бабочки... Человек видел все это, но говорил себе, что все это не страшно.

Он шел вдоль наполненных тишиной и покоем домиков и думал о рассвете. В этих местах он совершенно особенный. Нарочито оптимистичный. Как в кино.

Человек ждал рассвета. Не догадываясь о том, что не просто не доживет до него, а умрет буквально через пару минут...

Он дошел до речушки. Она единственная не была в створе с дьявольской ночью. Бежала, бурлила, поблескивала, успокаивала, ласкала слух.

Человек увидел подле нее еще одного неспящего. И обрадовался. Ему было приятно осознавать, что он тут не один. Он был не прочь поговорить с кем-нибудь. Однако не успел сказать ни слова. Миг, и в его висок врезался черенок от лопаты. Прошла еще секунда, и он упал на землю. Глаза устремились в небо без луны и звезд, похожее на черную копирку...

Сознание ускользало, но еще не оставило его. Словно затем, чтобы он смог ощутить нечеловеческую боль, когда острие лопаты врезалось в шею...

Часть первая

За... часов до убийства...

Глава 1

Белоснежный катер рассекал носом океанские волны. Штормило, и его иногда подбрасывало так сильно, что пассажиры вскрикивали. Невозмутимым оставался только один из них, мускулистый черноволосый парень в футболке с надписью: «Наглость второе счастье. Первое – я!» Спасательный жилет, без которого в катер не пускали, он застегнуть не потрудился, поэтому она была видна. Молодой человек сидел в вальяжной позе на последней лавке, грыз зубочистку и смотрел не вперед, как остальные, а куда-то в сторону, хотя там, в стороне, – ничего, кроме водной глади, а впереди – остров.

«Самовлюбленный тип, – подумала про него Маша. – Рисовщик!»

Тут катер вновь подкинуло. Да так сильно, что Маша слетела со своей лавки и чуть не вывалилась за борт, но «рисовщик» подхватил ее за талию одной рукой и без усилия, будто девушка весила не шестьдесят килограммов, а вдвое меньше, придержал.

– Спасибо, – поблагодарила она парня.

Тот в ответ лишь улыбнулся, не разжимая губ.

Маша опустила на свое место и вцепилась обеими руками в борт.

– Ты как, в порядке? – спросила у нее сидящая рядом девушка. Звали ее Кариной. Маша успела познакомиться с ней перед тем, как забраться в катер, и поболтать на отвлеченные темы.

– Да, все нормально, – ответила она Карине. – Испугалась только.

– А чего бояться, когда в катере с нами сильные мужчины? – это уже к Маше обратилась другая барышня, яркая блондинка, которая сидела напротив. Всю дорогу она не сводила глаз с «Первого счастья». Подавая реплику Маше, она также смотрела на парня. Чтобы понял: это о нем, и обратил наконец на нее внимание. Но он никак на комплимент не среагировал. Как будто даже не услышал. Но это вряд ли – блондинка говорила громко, чтобы голос не потонул в реве мотора.

Кроме Маши, Карины, яркой блондинки, положившей глаз на невозмутимого брюнета, и, собственно, его самого, в катере находились еще пятеро пассажиров. Четыре парня и девушка. Всю компанию из девяти человек везли на остров, расположенный в десяти километрах от материка, где телевизионщики собирались снимать реалити-шоу. Участники – молодые люди от двадцати двух до двадцати семи лет. Пять парней, четыре девушки. Задача – создать пару и продер-

жаться до конца проекта (не ново, но участники предыдущих шоу строили любовь либо в Москве, либо на шикарных виллах каких-нибудь модных курортов, но никак не на необитаемом острове), одиночки вылетают. Через неделю должно состояться первое голосование, и тот из парней, кто останется без девушки, поедет домой.

«С «Первым счастьем» все ясно, – прикинула шансы ребят Маша. – Он в любом случае один не останется. Блондинка его заарканит сразу, как мы обоснуемся. А он, если не дурак, будет держаться ее, чтобы остаться на проекте...»

Ей самой тоже следовало выбрать кого-то из ребят. Но пока она не видела никого, кто мог бы стать ее парнем хотя бы на месяц, в течение которого будет сниматься шоу.

«Счастье» исключается сразу – самодовольные красавчики ей никогда не нравились. Остаются четверо: Лошок, Качок, Хитрюга и Певец. Эти клички Маша дала ребятам сразу, как только увидела их. Первый выглядел эдаким Иванушкой-дурачком современности: добродушное курносое лицо, растрепанные светлые волосы, небольшой пивной животик, джинсы с рынка, а на шее гайтанчик с серебряной подвеской Инь-Янь. Второй телом был красив, лицом прост. На животе каждый кубик виден, на бицепсе цветное тату. Третий – симпатичный, модный, ухоженный. Отличная стрижка, фирменные шмотки, аккуратно подбрита щетина, гладкие подмышки. Обаятельный, легкий в общении, с виду душка, но взгляд хитрый. Четвертый... А четвертый – ПЕВЕЦ! И этим

все сказано. Когда Маша только увидела его, то сразу вспомнила фильм «Иван Васильевич меняет профессию». Там есть сцена, когда Бунша в образе Грозного подходит ко всем, жмет руку и говорит: «Царь. Очень приятно, царь!» Вот так же и четвертый парень делал. Хлопал по ладони тех, с кем ему предстояло провести как минимум неделю, и представлялся: «Певец и композитор Григорий Кротов!»

Только его имя Маша запомнила. Остальных ребят не знала, как звали. Она подошла к причалу позже остальных (ремешок на сандалете расстегнулся, и она, как Золушка, туфельку потеряла) и успела только с певцом познакомиться да с Кариной. Две остальные девушки, яркая блондинка и хорошенькая рыжая барышня, которую Маша про себя назвала Белочкой, до сих пор оставались для нее безымянными.

– Эй, там, впереди! – донеслось издали. Это кричал в рупор режиссер проекта, Алекс Королев, сидящий во втором катере, следующем за тем, который вез участников. – Прибываем через пять минут. Из посудины сразу не выходим, ждем, когда установят камеры на берегу!

– Как ты думаешь, в каких условиях мы там жить будем? – обратилась к Маше Карина.

– Сказали, в условиях, приближенных к походным.

– Как в «Последнем герое», что ли?

– Вряд ли. Ведь нам разрешили взять с собой столько вещей, сколько хочется.

– Фен у меня отобрали.

– Потому что там нет электричества.

– Да ладно! Как тогда съемочная группа работать сможет?

– Для них электричество будет, для нас нет. Я ноутбук хотела взять, тоже не дали. Сказали, что бесполезных вещей у меня и так достаточно.

– Да? – заинтересовалась Карина. – И что это за вещи?

– Может быть, босоножки на каблуке, большая косметичка.

– Босоножки? На каблуке?

– Да, взяла на всякий случай...

– Одни?

– Ну да.

– Я – три пары! – хмыкнула собеседница.

Машу это не удивило. Карина и сейчас была в шлепках на высоченной платформе. Как только она умудрилась не переломать ноги, забираясь в катер, не ясно! Остальные девушки обулись в удобные сандалии на плоской подошве, а оделись в шорты и майки. И только Карина красовалась в сарафанчике с пышной юбкой и обтягивающим декольтированным верхом. Когда она перемахивала в нем через борт, все увидели фасон и цвет ее трусиков.

Пока девочки беседовали, катер приблизился к острову. До него оставалось еще метров пятьдесят, но всем был прекрасно виден берег: редкие валуны дымчатого цвета, белый песочек, тонкоствольные пальмы, тянущиеся своими лохматыми кронами к воде...

– Какая красота! – вырвалось у Маши.

– Вообще улет! – вскричала Карина и, вскочив на ноги, запрыгала, завизжала, замахала руками. К счастью, катер сбавил скорость, и его почти не качало, иначе девушка вывалилась бы за борт. – Райский остров, я плыву к тебе!

Остров райским показался не только Карине, но и Маше, и всем остальным. Глаза пассажиров катера светились восторгом. Даже «Первое счастье» приподнял темные очки и взглянул на берег с явным удовольствием.

Глаза у него оказались изумрудно-зелеными, как вода у берега.

– Карина! – снова прокричал режиссер. Но теперь не в рупор – катер съемочной группы подошел достаточно близко, и его голос был прекрасно слышен. – Сможешь повторить еще раз? Мы снимем для заставки...

– Запросто.

– Отлично. Тогда приготовься... И вы, – это уже к остальным, – верните на лица восторженное выражение! Можете прокричать, как Карина... Готовы? Начали!

По заказу восторгаться красотой острова получилось не у всех. Поэтому пришлось сделать несколько дублей и выслушать гневные режиссерские тирады. Самое сильное недовольство у него вызывали Белочка и Маша. Первая восхищалась слишком сдержанно, а вторая переигрывала. В итоге главную роль в этом эпизоде получила Карина. Остальные остались в массовке.

Маше очень хотелось поскорее попасть на остров. В катере, когда он медленно двигался, было очень жарко. Голову припекало, под жилетом все потело. Под пальмами же была тень, и Маша представляла себе, как здорово лежать на песочке под зонтиком из крон. Но их продержали на солнце-пеке еще двадцать минут. А когда разрешили-таки сойти на берег, не дали продыху и сразу погнали в центр острова, туда, где был разбит их лагерь.

Шли недолго, минут десять-двенадцать. Но путь оказался нелегким, идти пришлось по джунглям. Не таким непролазным, конечно, как в кино про Данди-крокодила показывают, и все же. Земля под ногами влажная, вязкая, то и дело коренья попадаются, лианы, ветки упавшие. И то и другое можно принять за змей, поэтому девушки то и дело взвизгивали, наступая на что-то длинное, тонкое и скользкое.

Наконец они дошли! Выйдя из джунглей на открытую местность, увидели небольшую деревеньку – всего несколько хижин под пальмовыми листьями. Сначала Маша решила, что в ней живут аборигены и остров не совсем необитаемый, но потом услышала голос главного администратора Сережи: – Тут вы будете жить. Так что не стойте, разинув рты, бегите, занимайте гамаки! Девочки в крайней левой хижине жить будут, мальчики – в правой.

Все устремились к домикам. Карина даже припустила бегом, но на полпути приостановилась, обернулась и спросила: – А остальные домики для кого?

– Один для собраний, второй для приема пищи, то есть столовая, а еще пара для... пар! – и засмеялся, довольный своим каламбуром.

Из девушек первой к хижинам приблизилась Карина. Влетела внутрь, орлиным взором окинула пространство и ринулась к гамаку, висящему ближе всех к окну.

– Я буду спать тут! – прокричала она, запрыгнув в него.

Остальные девушки тоже быстро заняли себе места для ночлега. Маше, как самой нерасторопной, достался гамак у самой двери.

– Как в нем лежится удобно, а? – восторженно пропела блондинка, занявшая соседний, но более удаленный от входа гамак.

– Это только поначалу кажется, – возразила Белочка. – А полежишь час-другой, спина ныть начинает. Гамаки не для долгого сна. Для сиесты только. Позвоночнику твердая поверхность нужна...

– Слушай, а где я тебя могла видеть? – бесцеремонно перебила ее Карина.

– По телевизору, – улыбнулась Белочка. – У меня передача была на ТВ.

– Вспомнила! – хлопнула себя по лбу Карина. – «Любопытная Варвара» называлась. Ты там рассказывала о новостях шоу-бизнеса.

– Я тоже эту передачу помню, – подключилась блондинка. – Почему ее закрыли?

Белочка пожалала плечами:

– Не знаю, Наташ. Руководство канала так решило.

«Ага, значит, блондинку зовут Наташей, – отметила про себя Мария. – А Белочку, наверное, Варварой. Осталось узнать имена парней...»

– А вы, девочки, чем занимаетесь? – спросила Варвара у остальных.

– Я – модель, – гордо ответила Карина.

– Да ладно! – не поверила ей Наташа. Маша, собственно, тоже подумала о том, что Карина врет, но не высказала этого вслух. На модель она явно не тянула, хотя была симпатичной – смуглой, кареглазой и от природы черноволосой. Однако Карина свои волосы осветляла. А так как они были очень темными, то цвет получался не белый, а соломенный, совсем не шедший ей. К тому же от сильных осветляющих красок волосы стали тусклыми и тонкими. Если бы девушка работала моделью, ее обязали бы вернуться к натуральному цвету и отстричь пережженные, напоминающие подгнившее сено лохмы.

– Я, между прочим, уже для трех обложек снялась, – стояла на своем Карина.

– «Вога»? – ухмыльнулась Наташа, прекрасно понимая, что получит отрицательный ответ.

– Нет, конечно. Но и туда я обязательно попаду! Может, не на обложку, но на разворот точно!

– Тогда для каких журналов ты снималась? – не отставала

Наташа.

– Тебя это не касается.

– Я так и думала, что ты врешь...

Карина спрыгнула со своего гамака, подлетела к пляжной сумке и, вытащив из нее журнал, швырнула его Наташе.

– На, убедись!

На обложке глянцевого издания на самом деле красовалась Карина. Красивая и надменная. Ее ярко покрасили, волосы гладко зачесали и украсили алой розой.

– Ты тут как Кармен. Роскошная, – отвесила девушке комплимент Варвара. – Снимок очень удачный. Фотограф – молодец. Уловил самую твою суть.

– А журналчик-то тамбовский, – хихикнула Наташа.

– Ну и что?

– В провинции любая более-менее симпатичная девушка весом до пятидесяти кило фотомodelью станет.

– Завидуй молча, – процедила Карина.

– Было бы чему, – пропела Наташа и тоже полезла в сумку.

Спустя несколько секунд из ее недр показался еще один журнал, но не провинциальный, а общероссийский. На его обложке девушки увидели уже Наташу. В шикарном платье, с короной на голове она напоминала сказочную принцессу. Умелый макияж и уложенные в замысловатую прическу белокурые локоны делали ее прекрасной. Сейчас же, ненакрашенная и с распущенными прямыми волосами, она казалась просто хорошенькой.

– Ты королева красоты? – как будто не поверив глазам – грудь Наташи пересекала алая лента с соответствующей надписью, – уточнила Карина.

– Да. Я – «Миссис Москва».

– То есть ты замужем?

– Была. Сейчас в разводе.

– Дети есть? – поинтересовалась Маша.

– Да, сын. Ему полтора года.

– И ты бросила такого малыша? – возмутилась Карина.

– Почему бросила? Он с моей мамой.

– Он со своей должен быть.

– Карина, это не твое дело, – мягко осадил тамбовскую модель Белочка. И тут же переключила свое внимание на Машу. – А ты чем занимаешься?

– Я тренер.

– По фитнесу? – поинтересовалась Наташа. Судя по подтянутой фигуре, она регулярно посещала спортзал, вот ей на ум сразу и пришла ассоциация.

– Можно и так сказать. По тай-бо.

– А это не типа карате?

– Это боевая аэробика.

– Круто, – протянула Карина. – Выходит, ты классно дерешься?

– Да нет, не особо, – улыбнулась Маша.

На этом разговор пришлось закончить, потому что в хижину влетел администратор Сережа и скомандовал:

– Все встаем и выходим. Вас операторы ждут у хижины парней.

– Но мы еще не отдохнули! – взбунтовалась Карина. – И себя в порядок не привели. Дайте нам еще хотя бы минут десять.

– Не торгуйся, не на рынке, – осадил ее Сергей. – Через минуту чтобы были.

И удалился.

Карина показала его спине язык.

– Противный тип, – пробормотала Наташа.

Маша мысленно с ней согласилась. Сергей ей тоже не нравился. Было в нем что-то отталкивающее. Хотя лицом мужчина был красив, чем-то похож на индийского артиста Митхуна Чакроборти. Машина мама была его страстной поклонницей, и в их квартире повсюду были расклеены портреты исполнителя роли «Танцора диско».

Первой к выходу направилась Варвара. Ей минуты хватило на то, чтобы пригладить выбившиеся из хвоста кудряшки, протереть лицо влажной салфеткой и мазнуть по губам бальзамом. Маша вышла из хижины вслед за ней. А вот две красавицы еще долго возились. Пришлось Сергею припугнуть их штрафом. Причем наказывать девушек администратор собирался не рублем – денег ни у кого из участников не было, – а минутами разговора с родиной. Каждому участнику обещали давать раз в неделю спутниковый телефон, чтобы он мог связаться с близкими. Тот же, кто будет система-

тически опаздывать к трапезе или ежевечернему собранию всех членов «стаи» во главе с «вожаком»-ведущим и игнорировать команды, лишится этого права.

Кто именно будет вести шоу, участники не знали. Имя «вожака» держалось в секрете. Почему – никто не знал. Но Карина уверяла всех, что им станет Дмитрий Нагиев, Наташа ставила на Пореченкова, Варвара склонялась к тому, что пригласят кого-то менее раскрученного, а Маша почему-то ожидала увидеть Ксению Собчак.

Ближе всех к истине оказалась именно она. Но только потому, что вести передачу поручили женщине.

Ариадне Гор. Молодой, красивой, дерзкой и невероятно талантливой.

Эта девушка часто мелькала на телеэкране, но раньше не вела ни одного шоу. Ариадна писала книги, сценарии, пьесы. А еще она пела в андеграундовой группе и увлекалась гонками. Выиграла несколько крупных соревнований. Во время последнего сломала три ребра и нос, вылетев с трассы.

Ариадна прибыла на остров к вечеру, когда все уже устали ломать голову над тем, кого увидят в роли ведущего. Никто из участников, ни парни, ни девушки, почему-то не ожидал, что это будет Ариадна. Но когда она вышла из джунглей на поляну, высокая, худая, спортивная, с короткой стрижкой, загорелая, с яркими татуировками, с чуть искривленным носом и пирсингом в губе, все сразу поняли: она, именно она должна стать вожаком их стаи. Не мужчина-брутал, не свет-

ская львица, а эта дикая, сильная телом и духом женщина... Во многом напоминающая мужчину. И телом и духом. Такая личность и должна вести шоу, где люди и выживают в непривычных для себя условиях, и строят любовь.

– Она бисексуалка, – шепнула Маше на ухо Карина. Почему-то именно ее девушка выбрала своей товаркой. – У нас в шоу тоже допускаются однополые пары. Слышала? – Маша отрицательно покачала головой. А Карина продолжила: – А администраторша Дина даже сказала, что приветствуются, потому что такого еще ни в одном отечественном шоу не было. Как ты думаешь, замутит кто-нибудь?

Среди девочек, на взгляд Маши, все были традиционной ориентации, так что однополую пару никто из них явно не составит. А вот за парней она не ручалась. Геєм мог оказаться любой. За исключением, пожалуй, Лошка. Таких среди голубых Маше встречать не приходилось. Они были ухожены, подтянуты, модно одеты. И Красавчик, и Качок, и Хитрюга походили в этом на мужчин нетрадиционной ориентации. Не говоря уж о Певце. Среди творческих людей геєв особенно много.

Ариадна по прибытии подошла к участникам, со всеми познакомилась. Не факт, что запомнила, как кого зовут, но это не важно. Всем было приятно внимание звезды. Особенно оживились, общаясь с Гор, Наташа и Певец. Первая мечтала сниматься в клипах, а второй – снимать свои, сценарии к которым писал бы талантливый и очень модный персонаж,

такой, как Ариадна.

Сама же ведущая не выразила никому особой симпатии, была со всеми одинаково приветливой. Только на Маше она задержала взгляд. Но в этом не было ничего удивительного, на нее все пристально смотрели. Только потому, что у Маши была экзотическая внешность.

Все, кто видел ее впервые, принимал девушку за мулатку. На самом же деле африканцев в ее роду не было. Темная кожа досталась девушке от прабабки-цыганки. От нее же – черные кудрявые волосы. А вот глаза она унаследовала папины – серо-зеленые, кошачьи, горящие на смуглом лице под черными же бровями, как два драгоценных камня.

Мама даже испугалась, когда первый раз увидела новорожденную дочь. Решила, ей чужого ребенка подсунули. Потому что ни на нее, ни на мужа, хотя и жгучего брюнета, но светлоглазого и белокожего, девочка не походила. Но ее матушка, Машина бабка, увидев новорожденную в окне роддома, успокоила. Сказала, что малышка – вылитая прабабка. В этом все вскоре убедились, когда старуха, не поддерживающая отношений ни с одним из родственников, явилась на крестины правнучки. Как она узнала о них, никто понятия не имел. Почувствовала, что ли? Или ей карты подсказали? Не зря же женщина гаданием промышляла. Так вот, старая цыганка явилась на крестины, но не к началу, а когда обряд уже завершился, взглянула на Машу и констатировала: «И правда в меня пошла!» Потом она одарила правнучку цепочкой

с кулоном и удалилась. А все, кто присутствовал при этом, отметили: старуха права, малышка – почти точная ее копия. Только глаза не черные, а серо-зеленые, как у отца.

Маша вообще была папиной дочкой. Она любила сначала его, потом снова его и опять его, а только потом маму. Особенно ей нравилось играть с его бородой. Девочка садилась постоянно на колени к отцу и то расчесывала курчавую растительность на лице отца, то украшала ее цветочками или тесемками, то закалывала ее своими крабиками, а могла подлезать под папкин подбородок, делая вид, что его борода – это ее челка.

Отец умер, когда Маше исполнилось семь, скоропостижно скончался в возрасте тридцати восьми лет. Утром пошел на работу здоровый, вернулся вечером с покалывающим сердцем. Сказал жене: «Что-то я сегодня себя не очень хорошо чувствую, прилягу».

Ночью он умер.

Все то время, что папа лежал в гробу, Маша от него не отходила. Даже спала на диванчике в комнате, где он был выставлен. Мама пыталась увести дочь, но девочка начинала горько рыдать и просила оставить ее с папочкой. От нее отстали, чтобы не травмировать ребенка еще больше. Никто из родственников не понимал, почему Маша так упорно не желает отходить от гроба. Все думали, что ребенок хочет запечатлеть в своей памяти лицо любимого родителя (она практически не отрывала от него глаз), осознать, что его больше

нет, и мысленно с ним проститься. Даже мама не догадывалась, в чем причина дочкиных бдений у гроба. Только прабабка, старая цыганка, которая несколько лет не показывалась в их доме, зато явилась в день смерти отца уже в черном платке на голове, сразу поняла – Маша ждет момента, когда покойник проснется и встанет.

– Ты думаешь, он впал в летаргический сон? – проскрипела старуха Маше на ухо сразу, как вошла и уселась рядом.

Девочка молча кивнула. Она видела по телевизору передачу про летаргию и очень переживала. Ведь это так страшно – быть похороненным заживо.

– Нет, дочка, твой папа умер, – сказала бабка.

– Откуда вы знаете?

– Душа его далеко. У тех же, кто застрял между миром живых и мертвых, она рядом с телом летает.

Маша обвела глазами комнату. Вдруг душу папину увидит? На миг девочке показалось, что ей это удалось. Вот она, душа, медленно спускается от окна к полу. Но это был всего лишь залетевший в форточку тополиный пух...

– Простись с отцом своим, дочка, – сказала бабушка перед тем, как уйти. – Не оживет он. Умер.

Но Маша не поверила ей. Поэтому, когда на кладбище начали забивать гроб, она кинулась к могильщикам с криками: «Не смейте! Оставьте! Он же не выберется!...», отталкивала их, принялась отдирать крышку. Ребенка еле оттащили, увели в автобус, напоили валерьянкой.

Покойника закопали. Пока гроб забрасывали землей, Маша беззвучно плакала, забившись в самый конец салона и сжавшись в комочек.

На поминки девочку не взяли. Отвезли домой, уложили.

Маша проспала весь день, вечер и половину ночи, а когда проснулась, встала, тихонько проследовала к входной двери и выскользнула из нее. Она направилась на кладбище, к могиле папы – вдруг он очнулся и никак не может выбраться? Что бы ни говорили, как бы ни убеждали ее все, что папа умер, Маша не могла в это поверить. Ведь он не пил, не курил, был молодым, здоровым, крепким, даже простуда его не брала. И ушел тихо, незаметно. Как будто уснул...

Так не умирают!

До кладбища Маша в ту ночь не дошла. Девочку в накинутой на ночную рубашку кофточке остановил милицейский патруль. Когда выяснилось, что ребенка никто не обижал, в том числе родственники, его вернули домой. Мама объяснила милиционерам, в чем дело. Мужчины сочувственно покачали головами и посоветовали показать Машу детскому психиатру.

Родительница так и сделала. После нескольких занятий ребенок избавился от своей навязчивой идеи. А вот страх остался, Маша больше всего боялась быть похороненной заживо.

Глава 2

Аслан сидел на высоком деревянном табурете и, тихонько постукивая пальцами по ножке, рассматривал людей, собравшихся сейчас на веранде самого большого дома их «деревеньки». Именно в нем, по задумке организаторов шоу, участники будут собираться вместе, чтобы обсуждать события минувшего дня, выбирать пару или выгонять кого-то вон.

Парни сидели сейчас напротив девушек. Ведущая стояла чуть в стороне и говорила что-то в нацеленную на нее камеру. Участники пока были предоставлены сами себе. Кто-то тихонько болтал, две девушки поправляли макияж, один из ребят играл в электронную игру. А Аслан за всеми наблюдал.

Из парней ему понравился только Димон. Белобрысый паренек из небольшого провинциального города, приехавший в Москву ради заработка, Димон трудился продавцом на рынке, торговал «железками». Любил пиво, пельмени с майонезом, футбол и баню. Когда он сообщил об этом, Гриша Кротов, он же певец и композитор, уничижительно фыркнул:

– Стандартные плебейские радости...

Димона эти слова задели. Но он не стал выяснять с Кротовым отношения. За него, как ни странно, вступился Артем, холеный столичный красавчик в джинсах «Версаче» и с

бриллиантом в ухе:

– А не плебейские радости – это какие? Мохито, омары, йога и спа-салон? – насмешливо спросил он у Григория.

– А хоть бы и так...

– Все мои девочки то же самое любят. Ты с ними, смотрю, на одной волне! А мы, мужики, любим пиво и футбол!

Аслан с интересом посмотрел на певца. Как он отреагирует на то, что его, можно сказать, бабой обозвали? Но Григорий сделал вид, что не понял намек, перевел разговор на другое. Димон мгновенно просиял и стал смотреть на Артема с обожанием. Чего тот, собственно, и добивался. Аслану сразу стало ясно, что парень решил обзавестись союзником. А Димка, как самый бесхитростный, подходил на эту роль лучше остальных, ведь им было легче манипулировать.

Пятый участник, Саша Шварц (псевдоним, взятый не просто так – Арнольд Шварценеггер являлся кумиром парня), тоже производил впечатление простоватого парня, но был очень упрям. Об этом свидетельствовало хотя бы то, что Саня, родившийся чахлым, росший забитым, когда повзрослел, смог стать чемпионом Европы по бодибилдингу. Вопреки всему он добился своего. И Аслан, наверное, стал бы его уважать только за это, если бы Саша не был беспросветно невежественным. Целиком отдаваясь спорту, он совсем не развивался интеллектуально. Говорить с Сашей – все равно что общаться с третьеклассником. К счастью, он в основном помалкивал. В отличие от певца. Этот, казалось, ни на ми-

нуту не замолкает. Обо всем ему надо высказать свое мнение, прокомментировать каждое свое или чужое действие. Но в основном из уст Геннадия вылетали воспоминания о том, как он принимал участие в певческом шоу на одном из центральных каналов. В нем он не стал победителем и даже не дошел до финала, но якобы лишь потому, что его засуживали.

Григорий не нравился Аслану больше остальных, но он ничем не выказывал своего отношения к певцу. Если тот у него что-то спрашивал, отвечал вежливо. Пока Гриша ничего плохого никому не сделал. Только надоел своими бесконечными рассказами.

– Внимание, девочки! – услышал Аслан голос режиссера. – Приготовьтесь, сейчас вас будут снимать. Каждая должна представиться. Назвать свое имя и сказать, откуда приехала. На ком камера останавливается, тот говорит. Итак, начали!

Первой представлялась блондинка Наташа, которая не давала Аслану прохода. Красивая, стройная, женственная, она наверняка нравилась мужчинам, вот только Аслана оставляла равнодушным, хотя вроде бы это – его типаж. Его всегда привлекали грациозные блондинки с голубыми глазами, но Наташа почему-то не нравилась. Быть может, из-за своей навязчивости. Аслан, наверное в силу воспитания, был из породы тех мужчин, которым нужно женщин завоевывать. А когда она сама, можно сказать, себя предлагает, это и неин-

тересно, и как-то неправильно! Обесценивает барышню. По крайней мере, в глазах Аслана.

Три остальные девушки ему нравились больше. Особенно мулаточка с исконно русским именем Маша. Было в ней что-то завораживающее. И не только в экзотической внешности, но и в движениях, в поведении. Например, она могла резко замереть и начать вслушиваться в звуки: в шум листвы, в пение птицы. Или идти, идти, вдруг остановиться, присесть и начать рассматривать букашку, ползущую по земле. А еще она часто улыбалась. Не людям, а птицам и букашкам. А еще собственным мыслям...

Про таких, как Маша, обычно говорят – чудная. А Аслану почему-то всегда нравились женщины с небольшими странностями, не от мира сего. Хотя для отношений он выбирал иных – обычных, даже чуть простоватых (потому что с ними легче), но не внешне. Все женщины Аслана были красавицами. Если бы Наташа не вела себя так навязчиво, он выбрал бы ее. По крайней мере, на время проекта. Теперь же надо рассматривать кого-то другого. Карина отпадала сразу, слишком она была шумна, вертлява, взбалмошна. Оставались Маша и Варя. Мулаточка и рыженькая кроха. Тянуло к Маше, но Варя производила впечатление более сговорчивой и рассудительной. Именно с такой легче всего будет создать на этом проекте крепкую пару.

Аслан присмотрелся к Варе. Хорошенькая, улыбчивая, с ямочками на щеках и яркими карими глазами – такой можно

всерьез увлечься. Только почему его взгляд неизменно притягивает другое лицо? Смуглое, светлоглазое, с полуулыбкой на полных губах? Аслан ловил себя не только на желании смотреть на Машу, но и прикасаться к ней. Ему хотелось погладить ее по щеке, проверить, так ли нежна кожа, какой кажется, провести рукой по кудрявым волосам, чтобы понять, жесткие они или мягкие, прижаться к ягодицам, таким аппетитным на вид...

Дальше Аслан решил в своем воображении не заходить, дабы не терять самообладания. Ему необходимо оставаться в ясном уме, чтобы добиться цели.

Аслан всегда был таким, сколько себя помнил. Другие дети теряли голову от пистолетиков, игрушечных самосвалов, велосипедов и мечтали об этих ерундовинах. Аслана же интересовало иное. Он поставил перед собой цель: стать первым в секции детского карате, кто получит черный пояс, и шел к ней, не отвлекаясь на мелочи. Потом были другие цели: стать чемпионом юниорской лиги, взрослой, попасть на чемпионат мира, выиграть, заполучить крупный рекламный контракт, сделать карьеру в кино, да не российском, а голливудском...

Запнулся Аслан на чемпионском титуле – проиграл финальный поединок. Причем позорно. Не рассчитал силы. Переоценил себя. Его все потом успокаивали. Говорили, что проиграть такому матерому бойцу не позор. Тем более Аслану явно не хватало опыта. Он был еще очень молод, зелен,

чтобы тягаться со звездой карате. И не только свои – приятели, тренер, родители были такого мнения. И устроители, и комментаторы, и журналисты – все считали Аслана Умарова молодцом. Ему даже крупный рекламный контракт предложили. Пусть он не чемпион, зато красавец! Но Аслан отказался. Он хотел прославиться не как обычный смазливый мальчишка, а как победитель.

Аслан дал себе зарок в следующий раз обязательно завоевать чемпионский титул. Вот только сразу по возвращении в Россию он попал в аварию. Причем, как всегда, из-за своей самонадеянности. Он гонял на старенькой, но отлично прокачанной «Мазде» с восемнадцати лет. Всегда лихачил. Подрезал, обгонял, нарушал правила. И все с рук сходило. Аслана даже ни разу всерьез не штрафовали, только за незначительные превышения скорости. И вот на двадцать четвертом году жизни, когда уже и опыт водительский неплохой, взял и влетел в столб, не успев проскочить на мигающий зеленый. К счастью, не разбился. И даже не сильно пострадал. Подумаешь, руку сломал в двух местах. Ерунда это!

Аслан и сам так думал. Вот только рука не восстановилась окончательно. Как ни разрабатывал – не слушалась так, как раньше. Аслан собирался сделать повторную операцию, но врач отговорил, сказал, что не стоит рисковать. Кости здорово были раздроблены, если еще раз вмешаться, можно навредить, и тогда рука совсем перестанет двигаться.

«Вы молоды, друг мой, – сказал ему на прощанье врач. –

У вас вся жизнь впереди. Займетесь чем-то другим. Не сошелся же на карате свет клином!»

Аслан и сам это понимал. Но уйти на «пенсию» ему было бы не так обидно, выиграй он чемпионат. И парень захандрил, не знал, куда себя деть. И как заработать на жизнь. В институт он поступил только в двадцать один год, так что диплом еще не скоро получит, а кушать надо сейчас. А еще помогать маме и младшей сестренке. Отец Аслана пропал без вести вскоре после возвращения сына из больницы. Выехал поздним вечером из города, где работал, в поселок, где жил. Пришлось задержаться из-за какого-то аврала. Перед выходом позвонил домашним. Сказал: «Закончил, собираюсь на электричку, ждите через полтора часа». И еще у жены блинов попросил. Отец родился, вырос и большую часть жизни прожил в Чечне. Предпочитал кавказскую кухню. Но когда переехал в Россию, полюбил толстые дрожжевые блины. Причем ел их с селедкой и мелко рубленным зеленым луком. Кто-то угостил разок, и все, отец Аслана, что называется, пропал. Супруге пришлось научиться печь эти самые блины, да чтобы именно такие, как надо: мягкие, пышные, не сладкие и не соленые, но и не кислые, а с ненавязчивым вкусом. Не всегда они удавались такими. Поэтому мама Аслана редко пекла блины, только по особой просьбе своего благоверного.

В ТОТ день блины удались! Даже дети, не питавшие к ним слабости, с удовольствием съели по штуке – больше им не да-

ли, сказали: вот папа приедет, сядем все вместе за стол и поедим. Аслан помнил, с каким нетерпением ждал отца. Запах блинов щекотал ноздри, вызывал урчание в желудке. Парню так хотелось поскорее до них добраться, что он мысленно поругивал отца за то, что он так задерживается.

Кто бы знал, как Аслан потом мучился, вспоминая мысли, которые проносились в его голове в ТОТ день! Ему даже иногда казалось, что это он во всем виноват! Думал об отце плохо, вот и накликать беду...

Когда отец не появился вовремя, все сразу забеспокоились. Это многие другие мужья, отцы могли после работы куда-то с друзьями пойти пива-водки-чаю попить, но только не глава семейства Умаровых. Папа Аслана всегда стремился домой, к семье. Возможно, потому, что жил не на родной земле, а на чужбине. Но он со многими поладил, с кем-то сдружился, и если бы было желание, мог бы найти компанию для распития чего-либо где-то вне дома, но он этого не делал.

– Может, электричка опоздала? – с надеждой спрашивала у сына мать. – Такое ведь бывает?

Аслан кивал, а у самого кошки скребли на душе. Их дом стоял рядом со станцией, и он слышал, как электричка остановилась у платформы. Это было пятнадцать минут назад!

– Я схожу на станцию, узнаю, – бросил он маме и вышел из дома.

Отца Аслан искал весь вечер. Спрашивал у прохожих: не

встречался ли им высокий черноволосый мужчина с бородой, одетый в светлый плащ, заходил домой к знакомым папы, но все без толку... Никто в этот день не видел Умарова-старшего!

Милиция тоже ничем не смогла помочь. Отца объявили в розыск, но ни его самого, ни его следов так и не нашли. Умаровым сказали: считайте главу семейства мертвым. Скорее всего, его убили по пути домой (либо из-за денег, либо из-за национальной ненависти), а труп сбросили в реку или закопали. Но мама Аслана не желала в это верить. Она твердила: «Мой муж жив и обязательно вернется». Дети с ней не спорили, хотя оба были уверены в правоте милиционеров.

С исчезновением отца благосостояние семьи резко ухудшилось. Папа был настоящим кормильцем – он обеспечивал жену и детей. Те деньги, что зарабатывал Аслан, будь то призовые или редкие рекламные, он тратил на себя. Мама тоже распоряжалась своей небольшой зарплатой воспитателя детского сада по своему усмотрению. На содержание дома, питание, одежду, отдых им хватало того, что приносил папа. Он трудился на крупном автомобильном заводе, занимал должность начальника проектного бюро, получал отличную зарплату. Семье было по средствам даже переехать из поселка в мегаполис, но папа не хотел. Ему нравилось жить в тихом пригороде, ездить на работу не на машине, а на электричке, которой не страшны пробки, развлекаться не походами по ресторанам, а пикниками на природе. Сын же рвал-

ся в город. Он много времени проводил там, останавливаясь «на постой» у друзей или девушек. Ходил по клубам, кафе, боулингам. Любил ночью просто погонять по проспектам. То есть раньше в городе Аслан отдыхал. Теперь же ему пришлось туда поехать, чтобы заработать.

Парня с незаконченным образованием, да еще и студента-заочника, брали только продавцом или официантом. Благодаря своей внешности Аслан смог пристроиться в приличный бутик. По пятницам, субботам и воскресеньям он подрабатывал охранником в ночном клубе. В понедельник, свой единственный выходной, Аслан едва ноги таскал от усталости. Отключался уже в электричке (машиной он не пользовался – на бензин уходила бы треть его доходов) и спал всю дорогу. Иногда проваливался в сон так глубоко, что проезжал свою станцию.

Это были тяжелые времена. Аслан очень уставал на работе, а ему еще и учиться нужно было успевать. Когда же наступило время сессии, из бутика парню пришлось уйти, потому что учебный отпуск ему никто предоставлять не собирался. Остался только ночной клуб, но там платили копейки. Аслан уже стал подумывать о том, чтобы бросить учебу, а то ведь так и придется скакать с места на место, да и платить за нее надо, учебу-то, но тут ему предложили попробовать себя в модельном бизнесе.

Аслан шел по улице. Стояла жара, и на нем были надеты шорты и майка. Он два дня не брился и все никак не мог вы-

кроить время, чтобы сходить в парикмахерскую. В таком виде Аслана обычно останавливали менты для проверки документов, а тут остановил расфуфыренный мужчинка неопределенного возраста. Умаров напрягся, решив, что дядька хочет его «снять». Но новый знакомец оказался модным фотографом (как потом выяснилось, традиционной ориентации), и снять Аслана он желал только на фотокамеру. За позирование предложил неплохую оплату. А так как Аслан в тот момент катастрофически нуждался в деньгах, то согласился. Но для себя решил, что если фотограф – гомик и позволит себе хоть малейшую вольность, даст ему в морду, а от съемки откажется.

Но все прошло идеально. Главное же – Аслан легко справился с поставленной задачей. Ему ничего и делать не понадобилось, только быть самим собой. Причем фотограф просил не бриться, не стричься перед сессией, а также не удалять волосы на теле и не выщипывать брови. Последнее Аслана позабавило. Ему и в голову не приходило избавляться от лишней растительности, тем более на переносице. Он же не девушка, чтобы этим заниматься.

Снимки получились прекрасные. И совсем скоро Аслану еще предложили работу модели. Потом еще и еще. Он стал регулярно сниматься. Необходимости в работе охранником больше не было. Но он не ушел из клуба и всем, с кем знакомился, говорил, что зарабатывает именно этим, умалчивая про свою модельную карьеру.

За год Аслан смог крепко встать на ноги. Он и маму с сестрой обеспечивал всем необходимым, и сам устроился. Квартиру снял, машину поменял, за учебу заплатил опять же. В общем, жаловаться ему было грех. Аслана его жизнь устраивала. Свободен, здоров, не беден, девочкам нравится, а что еще надо молодому человеку? Конечно, он еще не достиг того уровня материального благосостояния, о котором мечтал: угла своего нет, авто недорогое, семью не озолотил, но он и не думал разбогатеть, фотографируясь для журналов. Считал, что это нереально. Вот окончит институт, получит диплом, найдет работу хорошую и тогда...

Еще через полгода Аслан понял, как ошибался. Оказалось, что заработать, позируя для журналов, можно не только на сносную жизнь. Тот фотограф, который открыл его, Федор Федоров, прибежал как-то к своему протеже и, захлебываясь от восторга, сообщил:

– Тобой заинтересовалось очень известное американское модельное агентство! Они хотят заключить с тобой трехлетний контракт. А еще на тебя имеет виды одна крупная торговая марка. Тоже штатовская. Их представитель видел твои фотографии и заинтересовался. Если ты заключишь с этой фирмой контракт и начнешь сотрудничать с агентством, то заработаешь миллионы!

– Для этого я должен поехать в Штаты?

– Естественно.

– Но я не хочу покидать Россию...

– Это такой шанс, Аслан! Ты просто не представляешь... – Федор, только что присевший на краешек стула, вскочил и возбужденно заходил по комнате. – Ни одному из тех, с кем я работал, еще не удалось заинтересовать америкосов. Пара девочек уехали работать в Европу, столько же в Японию, но на моей памяти нет ни одного случая, когда за границу позвали бы парня. Вы на модельном рынке товар... э... скажем, второсортный. Индустрия ориентирована на женщин, поэтому на вас спрос меньше...

– Да все я понимаю.

– А раз понимаешь, соглашайся, не сомневайся! Если б мне, как фотографу, такое предложили, я бы не раздумывал.

Аслан и сам понимал, что это его шанс, поэтому решил принять предложения американцев. В России его удерживали только семья и учеба. Но с мамой и сестрой можно по Скайпу разговаривать и перечислять им деньги на карточку, а диплом получить он всегда успеет. Да и понадобится ли он, если Аслан заработает миллионы? На эти деньги он, когда вернется, сможет бизнес «замутить» или просто зажить припеваючи в праздности, поместив средства в надежный банк под проценты.

Аслан отправился в Москву для встречи с потенциальными работодателями. Но маме с сестрой не сказал зачем, был немного суеверен. Потом порадовался этому, потому что в Америку он не поехал. Хотя переговоры прошли успешно. Он уже готовился подписать контракт, но...

Произошло кое-что, изменившее не только его планы, но и отношение к жизни. Аслан решил, что ни в какую Америку он не может поехать. А вот куда он должен попасть, так это на реалити-шоу «Дикий рай». Но не затем, чтобы прославиться. А для того, чтобы убить одного из участников!

Глава 3

Дима не сводил восторженных глаз с Ариадны. «Как же она прекрасна, – повторял и повторял он про себя, – и как не похожа на всех».

В детстве он обожал ловить гусениц. Но не для того, чтобы подкинуть в портфель девочке или поиздеваться над ней. Дима гусеницами любовался. Он сажал их в банку, устланную листьями, часами наблюдал за грациозными движениями этих существ, рассматривал их милые «мордочки», «пушинки» на спине, нежные брюшки. Зеленые, белые с синими полосами, черные с ярко-красными крапинами, каких только гусениц Дима не отлавливал! Однажды, ковыряясь в песке на берегу реки, он нашел мертвую. Она сильно отличалась от тех гусениц, которых он видел до этого. Прежде всего размером, она была крупнее, но и внешним видом тоже. Невзрачная серая расцветка, никаких пушинок на спине, зато полосы по бокам, как у тигра, а вместо «мордочки» – «лицо» инопланетянина с раскосыми черными глазами. Гусеница сначала показалась Диме отталкивающе некрасивой. Даже мерзкой. Но чем дольше он смотрел на нее, тем больше она ему нравилась. Он уже видел в ее хищной окраске и пугающем «лице» красоту. Дима очень сожалел о том, что гусеница мертва. Но все же он взял ее с собой, чтобы посмотреть в энциклопедии, в какую бабочку личинка могла пре-

образиться...

Оказалось, в «Мертвую голову»!

Как эта гусеница могла попасть в их Кировскую область, оставалось только гадать. Дима решил, что ее сожрала какая-то крупная птица, но не смогла переварить...

Ариадна напоминала ему ту самую гусеницу. И так же, как она, сначала Гор показалась ему отталкивающей. Худая, мускулистая, татуированная, коротко стриженная, с хищным лицом и раскосыми глазами инопланетянина, она не походила на женщину. Но и мужского в ней было мало. Существо без пола. Да и что за существо – не ясно. Какой-то непонятный гибрид...

Homo sapiens, скрещенный с *Acherontia atropos*.

Человек разумный, скрещенный с...

Бабочкой «Мертвая голова».

– Дмитрий, а ты? – услышал он хриловатый голос Ариадны. Он так залюбовался ею, что перестал следить за происходящим. Ведущая задавала участникам вопросы, а так как Димон сидел самым последним, то очередь до него дошла лишь спустя пятнадцать минут. Все это время он не сводил с Ариадны глаз, но слушал плохо.

– Что, прости? – переспросил он, немного смутившись. Теперь все подумают, что он идиот, раз с первого раза не понимает вопрос. И, чтобы этого избежать, решил добавить: – Я не расслышал.

– Я спросила, выделяешь ли ты кого-то из девушек?

– Ну... – И покраснел.

Все это заметили и засмеялись.

– И кто же из участниц тебе нравится больше остальных? – продолжила задавать вопросы ведущая.

– Не из участниц...

Певец Григорий загоготал и, хлопнув в ладоши, выкрикнул:

– В нашей стае завелся голубок!

Ариадна посмотрела на него таким тяжелым взглядом, что Гриша моментально примолк. И даже руки в карманы спрятал.

– Тебе нравится кто-то из парней? – обратилась к Димону Гор.

– Нет, конечно! – Дима почувствовал, как запыхтели уши.

– Тогда кто же?

– Ты!

Его наглость ее не удивила и не оскорбила, а позабавила. Серьезное, если не сказать суровое лицо Ариадны на миг осветилось улыбкой. Причем губы ее не дрогнули, только в глазах сверкнула задорная искорка.

– Спасибо, мне очень приятно, – проговорила она ровно. – Только тебе надо выделить одну из тех четырех прекрасных девушек, что сидят напротив, и начать за ней ухаживать. Времени у тебя мало. Уже завтра вечером состоится первая церемония выбора пары. Одиночка в конкурсе на выживание, который состоится послезавтра, останется без под-

держки и помощи партнера и не пройдет испытание.

– А что за испытание? – поинтересовался Аслан.

– Об этом вы узнаете перед самым конкурсом. Но хочу вас предупредить, будет трудно, жестко... И опасно. Не справившиеся с заданием автоматически становятся кандидатами на вылет. У прошедших путь до конца – иммунитет.

– А если все пройдут этот путь?

– Это невозможно, – покачала головой Ариадна. – У пары еще есть шанс справиться, у одиночки же – никаких. Так что мотайте на ус, мальчики. – Гор с усмешкой посмотрела в камеру. – На этой оптимистичной ноте мы заканчиваем. Всем спокойной ночи. До завтра!

И, не сказав больше ни слова и даже ни на кого не посмотрев, она покинула съемочную площадку.

Участники загалдели, обсуждая услышанное. Только Димон молчал. Он смотрел вслед Ариадне. Ему нравилась даже ее сутуловатая спина с острыми лопатками. Они походили на крылышки...

Его всегда тянуло к женщинам-бабочкам. Первая девочка, которую он полюбил, напомнила ему лимонницу. У нее были светло-рыжие волосы и пушистая желтая шубка из искусственного меха. Вторая походила на клеверную пестрянку – такая же маленькая, аккуратная, и в ее черной шевелюре алело несколько толстых ярких полос, точно как на крыльях бабочки. Третья, самая серьезная, была похожа на павлиноглазку. Грациозная, смуглая, с бронзовыми волосами и

желтыми глазами, наполовину татарка, наполовину арабка. Она любила летящие шелка и атласы, и когда стремительно шагала, то казалось – летит...

Таких женщин Димон любил... Но встречался с другими... Обычными... Серыми.

Но с другой стороны... моль в некотором роде тоже бабочка.

– Дима, – услышал он требовательный оклик и встряхнулся. Оказалось, к нему подошел режиссер Алекс Королев.

– Да, слушаю.

– Вот именно, что не слушаешь, – раздраженно буркнул тот. – Я даже съемку хотел остановить, когда камера на твоём лице задержалась. Потом просто велел оператору тебя не снимать.

– Почему?

– У тебя все время отсутствующий вид. Но хуже не это, а то, что он еще и дебилный, а мы снимаем шоу для массовой аудитории, а не для людей с задержкой умственного развития, им бы ты понравился.

– Я просто немного задумался, – начал оправдываться Дима. Он знал, что, когда погружается в свои мысли, выглядит глуповато, поэтому не обиделся на замечание режиссера.

– О чем, друг сердечный? Мы не на «Своей игре». Будь веселым, позитивным, обаятельным, своим в доску парнем – вот твоя актерская задача.

– А самим собой... я могу быть?

– Дима, ты, сам по себе, никакущий. Если б не наше давнее знакомство, ты бы не попал в это шоу. Так что будь любезен, выполняй поставленные перед тобой задачи. Все понял?

Дима молча кивнул.

– Вот и ладненько! – Королев смягчился. – А вот твой финт ушами в сторону Ариадны мне понравился. Прекрасно придумано. Надо будет эту тему развить...

И, хлопнув Диму по плечу, удалился.

Они были знакомы около пятнадцати лет. Королев, тогда еще совсем мальчишка, работал у одного известного режиссера ассистентом. А Дима... Дима у него снимался.

В кино он попал благодаря бабочкам. Летом Дима с мамой, тетей и ее дочками поехали в Москву. Женщины решили показать детям достопримечательности столицы – Кремль, Третьяковскую галерею, зоопарк, ВДНХ... В «Макдоналдс» сводить, о котором в их Кировской области все знали из телевизионной рекламы, но мало кому посчастливилось в нем откусать.

Остановились у дальних родственников. Те, естественно, не обрадовались нашествию, но на ночь приютить согласились. То есть на все им отводилось два дня. Если бы женщины приехали одни, им этого времени хватило бы еще на то, чтобы по ЦУМу пробежаться и на витрины поглазеть, но с ними дети, а их пока соберешь, пока они на эскалаторе накаатаются, пока съедят выклянченное по дороге мороженое, с которым в музей не пускают...

В общем, все запланированное посетить не успели. А главное, «Макдоналдс». Как не зайдут – очередь, вот и решили перед отъездом сходить. Отметить, так сказать, отбытие.

До поезда оставалось три часа. Компания под дружное детское улюлюканье направилась к дверям закуской. И тут Дима встал как вкопанный. Он увидел плакат «Выставка редких бабочек».

– Мама, я хочу туда.

– Не выдумывай, – проворчала мать и легонько подтолкнула сына к дверям, за которыми уже скрылись остальные.

– Мама! – умоляюще протянул Дима. – Пожалуйста...

– Не успеем, Дим.

– Но это недалеко. Видишь, тут адрес написан, в нем указана та же улица. – Он ткнул пальцем в указатель на доме, в котором располагался «Макдоналдс».

– Ты представляешь, какие в Москве улицы? Это тебе не у нас... – Она взяла его за руку. – Пошли.

– Нет, – замотал головой Дима. – Я хочу на бабочек посмотреть. Хоть одним глазком... – И шепотом: – Там они не засушенные – живые!

– Но мы не успеем и поесть, и на твоих чертовых бабочек посмотреть. Нам еще до вокзала добираться.

– Я могу не есть!

– А я? Я голодная!

– Мам, ты тогда иди ешь, а я один сбегаю.

Мама застонала, но все же дала «добро» на посещение выставки. Естественно, одного Диму она не пустила, пошла с ним и всю дорогу ворчала и жаловалась на голод. А до нужного здания идти пришлось пятнадцать минут!

Когда Димон попал внутрь, то чуть не задохнулся от восторга. Бабочки были повсюду. Они не только находились в огромных «аквариумах», где порхали с цветка на цветок или приземлялись на ветки небольших декоративных кустарников, но летали и по залу. Повсюду были расставлены вазочки с фруктами, и бабочки садились на них, чтобы полакомиться. Одна из этих вольных чешуйчатокрылых, наевшись папайи, вспорхнула высоко, закружилась над залом и плавно опустилась на макушку Димы. От счастья он взвизгнул. Бабочка тут же сорвалась с места и смешалась с облюбовавшими розовую орхидею собратьями.

– Любишь бабочек? – услышал Дима незнакомый голос. Задрав голову, он увидел мужчину, улыбающегося ему.

– Очень.

– Я тоже. С детства.

– И я... Вернее, мне сначала больше гусеницы нравились, а теперь бабочки. – Димон тут же почувствовал себя предателем и поспешно добавил: – Хотя гусениц я тоже люблю.

– А кино?

– Что – кино?

– Любишь?

– Ага. Про Терминатора.

– А про бабочек?

– Такое я не видел...

– Я собираюсь снимать кино про бабочек.

– Вы?

– Да. Я режиссер.

– Да ну? – не поверил Димон.

– Точно тебе говорю. Вот смотри... – Он достал из кармана картонный прямоугольник (мальчишка не знал тогда, что он называется «визитка») и протянул Диме. – Видишь, не вру.

На картонке и правда было написано: «Режиссер». Да только написать ведь что угодно можно! Хотя бы даже и «царь». Но Дима сделал вид, что поверил, и вежливо проговорил:

– Я с удовольствием посмотрю ваше кино.

– А сняться в нем не хочешь?

– Я? – И засмеялся. Настолько нелепой ему показалась мысль о том, что такой пацан, как он, может стать артистом.

– Ты.

– Не... Не хочу. Я не умею. Да и не похож я на бабочку.

– Главный герой моего фильма – мальчик, который любит бабочек. Я давно ищу такого, как ты. Ни одному из тех ребят, что приходили на кастинг, не удавалось так искренне сыграть восхищение этими существами. – Он погладил Диму по голове. – А тебе и играть не надо...

– Нет, я не хочу! – испуганно выпалил Димон.

Все время, пока шел разговор, его мама находилась в буфете, пила чай с пирожком. Закончив, она вернулась в выставочный зал и увидела своего сына с каким-то мужчиной. Женщина перепугалась! Она читала о педофилах и решила, что к Димке пристал один из таких. Мама бросилась к нему с воплем:

– Немедленно отойдите от моего сына!

Режиссер удивленно воззрился на разгневанную женщину. А Дима, схватив маму за руку, успокаивающе проговорил:

– Дяденька хороший, ты не кричи на него.

– Что ему от тебя нужно?

– Я хочу снять его в кино, – ответил ей мужчина.

– Ага... – Ее глаза сузились. Вот именно этим старые развратники детей и заманивают, конфетками сейчас мало кого удивишь. – В кино, значит... Так я и думала, – и, набрав в легкие побольше воздуха, закричала: – Милиция!

На ее вопль сбежались все, начиная от самого маленького посетителя и заканчивая охранником. У «извращенца» потребовали документы. Он их спокойно предъявил. Кроме паспорта при нем было еще удостоверение члена Союза кинематографистов. Мужчина на самом деле оказался режиссером.

В тот вечер Дима с мамой домой не уехали. Они остались в Москве. Режиссер отвел им комнату в своей холостяцкой квартире, а утром повез на студию, делать пробы.

Димка легко прошел их. Причем ему удалось не только показать свое искреннее восхищение бабочками, но и сыграть две сложные сцены – заплакать в кадре и истерично захохотать. Режиссер сказал, что не всем профессиональным артистам это удается. А еще добавил, что у Димки настоящий талант, его любит камера. Мальчик потом посмотрел отснятый материал и удивился. Он на самом деле на экране был совсем не таким, как в жизни... Красивым! Особенно когда на бабочек смотрел. Его неопределенного цвета глаза так преобразались, что казались двумя сверкающими изумрудами.

К съемкам приступили совсем скоро, потому что все для этого было уже готово, только исполнителя главной роли никак не могли найти.

Мама к этому времени уехала в Киров. Она не могла бросить семью и работу. Димка жил то у режиссера, то у его ассистента, Сашки Королева. У последнего ему больше нравилось. Потому что паренек вечно где-то ночами шлялся и Димка был предоставлен самому себе. А еще у Сашки была кошка, и он с ней играл. Так как съемки проходили только в Москве, Диму часто навещали родители. Когда они приезжали, Сашка милостиво уступал им свою территорию и уходил ночевать к подружкам. Родители были ему за это безмерно благодарны, а Дима помалкивал о том, что и в их отсутствие он нечасто бывает дома. Еще решат, что Королев за ним плохо присматривает, и не разрешат у него оставаться!

Когда Димон вырос, то вспоминал этот период жизни как самый счастливый. Единственное, что немного его омрачало, так это учеба. Девятилетнему Димке наняли педагога, который приходил к нему заниматься. А так как учебу мальчик не любил, то не очень радовался этому обстоятельству. Но и не особо огорчался. Главное, он снимается в кино и скоро станет знаменитым!

Фильм вышел, но...

Димка не проснулся знаменитым. Увы...

«Погонщика бабочек» практически никто не увидел, ибо это было кино не для всех. Зато его отправили на фестиваль за границу, и там он взял первый приз.

Но Димка ждал не этого. Он жаждал славы. А все из-за «лимонницы». Она была самой красивой девочкой в классе и солисткой в хоре, а Димон... Кто такой Димон? Троечник с невзрачной внешностью. Конечно, все слышали о том, что он долго отсутствовал в их городке, потому что снимался в кино, но не все в это верили. Та же «лимонница» считала его врунишкой. Чтобы доказать правду, Димка дал девочке кассету с фильмом. Она посмотрела всего десять минут (на сколько терпения хватило), сказала, что мальчик-артист на него совсем не похож, а что имя и фамилия одинаковые, так в этом нет ничего особенного, и такое бывает. У нее самой полная тезка есть и тоже в хоре поет.

Через год Димка «лимонницу» разлюбил. Перед тем как ему предложили новую роль. Сашка Королев позвонил им

домой и сообщил, что работает сейчас на одной картине и им позарез нужен десятилетний мальчик на роль маленького злобного волшебника. Димка тут же принялся упрашивать маму отпустить его на съемки. Она не стала возражать, и Димка снова оказался на съемочной площадке.

Этот фильм имел большой успех. В кино в то время никто не ходил, все дома смотрели видеомагнитофоны. Кассеты покупали в основном на рынках. И сказка, в которой Димка сыграл, приобреталась многими. Пацан в своем городке стал настоящей звездой. И «лимонница» начала оказывать ему знаки внимания. Только Димка ее уже не любил.

В том же году он снялся еще в одном фильме. Сыграл второстепенную, но очень яркую роль. В двенадцать лет снова получил главную – снялся у режиссера, открывшего его. Фильм снова взял приз на зарубежном фестивале. Но на этот раз еще и Димон удостоился чести быть выдвинутым на премию как лучший актер. Правда, заветную статуэтку он не получил, но уже то, что смог съездить в Европу, побывать на пышной церемонии и, главное, увидеть самого Терминатора-Шварценеггера, принесло Димке небывалую радость.

Потом наступил более спокойный период. Мальчишку приглашали сниматься, но все в какой-то ерунде, и на семейном совете было решено следующее: давать согласие на работу Димы, только если предложат что-то грандиозное, на худой конец – высокооплачиваемое, в других же случаях всем отказывать. А то с этими съемками он совсем учебу за-

пустил. Одни тройки получает, и те, судя по всему, ставят только из симпатии к юной звездочке.

За два года Дима только три раза съездил в Москву. Первые два – для съемок в «Ералаше» – уж очень ему хотелось туда попасть. Последний – чтобы сняться в рекламе: предложили хорошие деньги, а процесс продлился всего пару дней.

Димка скучал по актерству. Ему нравилось играть. Но только в кино. На сцене он совершенно терялся, ведь его любила не она, а камера. Да и не воспринимал он театр, когда ходил вместе с классом на постановки, ужасно скучал. Он не верил в происходящее на сцене, не мог погрузиться в спектакль и сопереживать героям. Он видел перед собой лишь фанерные декорации и ряженных людей, играющих свои роли. К кино же он относился совсем иначе... В происходящее на экране он верил! Пусть всего два часа, пока шел фильм.

В день своего пятинадцатилетия Дима получил самый лучший подарок – приглашение от СВОЕГО режиссера. Он приступал к съемкам нового фильма о взаимоотношениях отца с приемным сыном и хотел видеть в главной детской роли именно Димку. Именинник дал мгновенное согласие (даже у родителей не спросил) и уже через два дня был в Москве.

– Ты кто? – было первое, что услышал Димка, когда подбежал к режиссеру и поздоровался.

– Как это? – глупо улыбнулся мальчик. – Я Дима.

– Какой?

– Тот самый... которого... вы хотите... снимать... – Голос

его становился все тише, пока совсем не пропал.

– Дима? – все еще не верил режиссер.

Димка только кивнул.

– Боже... Я не думал, что ты настолько изменился, – прошептал режиссер пораженно. – Тебе разве не четырнадцать?

– Пятнадцать исполнилось только что.

– Герою по фильму тринадцать лет. Я знал, что ты постарше, но... Ты был таким маленьким всегда, я думал, сойдешь за тринадцатилетнего. Но ты...

– Да, я здорово вырос, но ведь есть рослые дети. Многие мои одноклассники выше меня.

– Не в росте дело. Ты маленький мужичок: у тебя усики, развитые плечи, кадык вон какой. А мне нужен ребенок, только готовящийся вступить в пору взросления, нескладный, нервный, с ломающимся голосом.

– Я сыграю!

– Тебе никто не поверит.

И все же Димка упрямился просил режиссера снять пробы. Но они лишь подтвердили все самые худшие опасения: парень был неубедителен, и камера его разлюбила. Это Димка понял сразу, как только взглянул на экран.

– И что же мне теперь делать? – чуть не плача, спросил он у режиссера.

– Ждать, – ответил тот. – Возможно, сформировавшись окончательно, ты обретишь новое «я», которое разглядит и полюбит камера. Но я на твоём месте на это бы не очень на-

деялся.

– Почему?

– То, что меня привлекло в тебе, утеряно безвозвратно – твоя трогательность. И внутренняя, и внешняя. Мальчик с цыплячьей шейей, неровными молочными зубами, острыми коленками и восторженными глазищами органично передает ее. Сейчас, оставаясь тем же в душе, ты выглядишь иначе. Когда же ты возмужаешь, то либо останешься прежним, либо обретешь новое «я». В первом случае твоя трогательность, нежность, мягкость, ранимость будут диссонировать с брутальной внешностью и восприниматься как недостойная мужика слабость. Во втором же ты снова обретешь гармонию...

– И тогда меня снова полюбит камера?

– Повторяю, это возможно. Но ты слишком поверхностен, чтобы стать великим актером, и не так обаятелен для любимца публики.

– Но у меня же талант! Вы сами говорили.

– Я и сейчас скажу то же самое: ты одаренный парень. Но... Как бы тебе объяснить... Ты знаешь, кто такой Робертино Лоретти?

Дима отрицательно мотнул головой.

– Это итальянский певец, когда-то очень известный. Он прославился, будучи ребенком. С восьми лет он пел в хоре Римского оперного театра. Сам папа восхищался голосом мальчика. Робертино выступал перед президентами, по-

лучал всевозможные призы, выпускал диски, которые становились «золотыми». Он был, как сейчас говорят, культовым певцом. Золотым мальчиком, чей волшебный голос (дискант, если тебе это о чем-то говорит) сводил с ума миллионы...

– И что же с ним стало? Он умер?

– Нет, он до сих пор жив. Выступает, ездит с гастрольями.

– Тогда почему я о нем ничего не знаю? Раз он такой знаменитый...

– Был, Дима. Был. Но примерно в твоём возрасте, голос Робертино сломался. Это был уже не звенящий хрусталь, не дискант. Лоретти стал петь баритоном. Талант его никуда не исчез, но Робертино без своего чудесного голоса стал мало кому интересен. Хороших исполнителей много, а мальчик, поющий как ангел, был один.

Заметив, что глаза Димки наполнились слезами, режиссер успокаивающе похлопал его по руке.

– Не переживай раньше времени, Дима. Все еще может измениться. Многие маленькие артисты стали большими звездами. Поэтому не отчаивайся...

Легко ему было говорить! А Димка два часа в туалете проплакал.

В Институт кинематографии он попробовал поступить сразу после школы. Первые два тура он прошел легко, а на последнем завалился. Его отбраковал председатель комиссии. Сказал: «Я помню вас, юноша, вы снимались в «Погон-

щике бабочек», ребенком вы были потрясающе одаренным, сейчас тоже не без таланта, но вы утратили свою индивидуальность».

И Димка вернулся домой.

Вскоре его призвали в ряды Российской армии. Он отслужил, демобилизовался. Нужно было определяться в жизни: устраиваться на работу и идти учиться. Именно «и», а не «или», потому что содержать его было некому. Мама зарабатывала немного, а отец погиб, когда Димке исполнилось шестнадцать: пьяным ввязался в драку, его зарезали.

Занятие, приносящее деньги, двадцатилетний Дима нашел быстро – устроился аппаратчиком на завод, где всю жизнь трудилась мама, но, в какой вуз подавать документы, он не имел понятия. У него не было склонности к чему-то, равно как и глубоких знаний хотя бы в какой-то области. И Димон решил с учебой повременить.

На заводе он проработал полтора года, пока не понял, что так больше продолжаться не может. Это рутинная: однообразный труд, вечера у телевизора, походы по пятницам и предпраздничным дням с коллегами в забегаловку «Пеликан», которая находится неподалеку от завода, субботние пьянки с друзьями, воскресное похмелье. Каждая неделя похожа на предыдущую. И никакого просвета. Разве это жизнь?

И Димон решил в корне ее изменить. Уволившись, он поехал в Москву. В конце концов, он артист! Он снялся в четырех фильмах, в «Ералаше» и рекламе. Его должны знать и

помнить. Пусть теперь, когда он повзрослел и утратил трогательность, ему не видать главных ролей, но он согласен и на второстепенные. Робертино Лоретти одно время тоже не выступал, десять лет продюсировал других. Но он все равно вернулся к пению, потому что не мог не петь. И пусть его уже не боготворили, это не важно, главное – он занимался любимым делом. Вот и Димон хотел этого.

Он обошел все актерские агентства, везде оставил свои фотографии и резюме и стал ждать предложений. Поскольку денег у него с собой было немного и те ушли на аренду комнаты, Димка устроился работать продавцом на рынок. Торговал «железками». Зарабатывал немного, но ему хватало, ведь по ресторанам он не ходил, за модой не гнался, ел дома пельмени, носил рыночные джинсы и футболки. Расслаблялся при помощи пивка. Девушки у него в тот период не было. Димка, когда бывал под хмельком, спал с квартирной хозяйкой, женщиной невзрачной, уже не юной, но приятной.

Шли месяцы. Трижды Димке предлагали принять участие в кастингах, что он с удовольствием делал. Но работу получил лишь однажды, и то в массовке.

Димка уже совсем отчаялся и хотел возвращаться домой, когда встретил на рынке Сашку Королева. Он делал в квартире ремонт и приехал за скобами, болтами, саморезами и прочими «железками». Димка Королева сразу узнал – он мало изменился, остался таким же худощавым, кудрявым, подвижным, только на лице морщинки появились.

– Саня, здорово! – радостно воскликнул Димка, выбегая из-за прилавка.

– Мы знакомы? – недоуменно спросил Королев.

– Ну да, я Димка, Димка Титов.

Некоторое время лицо Сани (теперь уже Алекса, он стал представляться на иностранный манер) не меняло своего выражения. Он не понимал, кто перед ним, хотя и услышал имя. Какой-то Димка Титов. И что? За свои сорок лет он встречал десяток Димок, и не исключено, что среди них была пара Титовых.

– Я жил когда-то у тебя, – напомнил Димон. – Когда снимался в «Погонщике бабочек».

Глаза Сани наполнились узнаванием и удивлением.

– Неужто это ты, Димка?

– Ага, – расплылся в широкой улыбке тот.

– Обалдеть...

– Изменился, да?

– Не то слово. Тебя не узнать

– Утратил свою индивидуальность, – невесело усмехнулся

Димон.

Саша даже спорить не стал. Просто никак не прокомментировал высказывание Димона, вместо этого спросил:

– Ты что тут делаешь?

– Работаю.

– Переехал в Москву?

– Да, хотел вернуться к актерству. Тянет, понимаешь?

– Удалось?

– Пока только в эпизоде снялся. И то не в кино, а в рекламе.

Королев задумчиво почесал кончик своего длинного носа. Затем немного отошел, окинул Димона оценивающим взглядом и предложил:

– Хочешь поучаствовать в реалити-шоу?

– В каком?

– Рабочее название «Дикий рай».

– Странное название, – пробормотал Дима.

– Двадцать раз еще изменится, – отмахнулся Саня. – Ну, так как насчет участия? – Димон неопределенно пожал плечами. А Король продолжил: – Съёмки на тропическом острове. Оформление документов – наша забота. Перелет, проживание оплачиваются. По окончании шоу каждому участнику – небольшая денежка. Это помимо всенародной славы. Ну и, конечно, если ты выиграешь главный приз, то отхватишь еще и крутую тачку. «Хаммер», между прочим.

– Неплохо... Только не подойду я, наверное.

– Еще как подойдешь! Участники у нас уже набраны. Основной состав: четыре парня и столько же девочек. А ребят должно быть пять. Причем разных по типуажу. Есть певец, модель, качок и сынок олигарха, не хватает обычного парня из народа, работяги. Простого, как сатиновые трусы.

– Вот спасибо... – насупился Димон. – За комплимент.

– Дим, я знаю, что ты непрост, но ты же артист. Ты сыг-

раешь.

– А разве так можно? Это же реалии...

– Вот там как раз и можно. У меня еще один из мальчиков играет роль. И девочка из второго состава. Их задача не выходить из образа на протяжении съемок и слушаться меня. Но оба они не профессионалы. Боюсь, как бы не накосячили. А вот в тебе я уверен, поэтому предлагаю стать участником шоу. Ты согласен?

И протянул ладонь для того, чтобы скрепить договор рукопожатием. Димон, помедлив пару секунд, кивнул головой, после чего сжал кисть Сани. Он очень хотел стать звездой, пусть и телешоу.

Глава 4

Выпив залпом стакан коньяка, Сережа сунул бутылку с его остатками за пояс и вышел из комнаты. Члены съемочной группы, в отличие от участников, жили в легко собираемых и разбираемых немецких домиках. В основном по трое, но некоторые по одному. Сергей относился к числу тех счастливых, кто имел личное пространство. Кроме него, в отдельных комнатах обитали режиссер Королев, креативный продюсер Миранян и ведущая шоу Гор.

Домиков было больше, чем хижин. Что естественно, ведь над шоу работало много народа. К тому же технические помещения располагались именно в домиках. В самое главное из них, аппаратную, Сергей сейчас и направлялся.

Городок спал, как и деревенька (они называли место своего обитания «городом», а то, где жили участники, «деревней»). Наконец-то все утомонились: и члены съемочной группы, и «мясо» (участники на их сленге). Только в аппаратной дежурил человек. Его-то Сергей и решил навестить.

– Салют! – поприветствовал он сидящего за пультом парня. Он обернулся и кивнул, то есть поздоровался. – Как ты тут?

– От скуки помираю. – Парень ткнул пальцем сначала в один монитор, потом в другой. – Везде одно и то же. Все спят. – Парень зевнул. – А ты чего бродишь?

– Тебя пришел проведать.

– Неугомонный ты, Серега. Думаешь, без твоего неусыпного контроля все развалится?

– Непременно, – усмехнулся Сергей. – Только к тебе я пришел не для того, чтобы проконтролировать. Я тебе принес кое-что...

С этими словами он, задрав футболку, вытащил из-за пояса бутылку коньяка.

– Ого! – Глаза парня радостно засверкали, но тут же потухли. – Не, я не буду.

– Почему?

– Королев запретил бухать в рабочее время.

– Алекс не узнает, что ты пил. Он спит.

– Вонять будет.

– До утра весь запах выветрится, не бойся. – Сергей вытряхнул из кармана горсть фруктовых конфет. – У нас и закуска есть...

– Чего это ты так раздобрился? – подозрительно прищурился дежурный. Его звали Севой. – Мы с тобой вроде не друзья...

– Ты единственный, кто не спит. Мне надо с кем-то выпить. Вот и все.

– Ну ладно тогда... Наливай.

Сергей нашел глазами стаканы, взял их. На дне темнели засохшие разводы. Сергей понюхал: кола. Решил не споласкивать.

Разлив коньяк, Сережа подал стакан дежурному.

– Давай выпьем за успех нашего шоу, – предложил он.

– Отлично, давай.

Они чокнулись и почти одновременно опрокинули содержимое стаканов в рот. Сергей, закусив, подошел к стене, состоящей из мониторов. Часть из них были выключены, так как работали не все камеры. Те же, что работали, снимали спящих участников и пустынную деревню.

– Тухлые какие-то у нас ребятки, – заметил Сева.

– Просто они устали. Завтра взбодрятся.

Сергей щелкнул по одному из мониторов.

– Не нравится мне картинка. Камеру неудачно повесили.

– Да? А по-моему, ничего, нормально.

– Нет. Ракурс безобразный. Завтра обязательно перевесим. А сейчас выключи ее.

– Как скажешь. – Сева щелкнул тумблером. Монитор погас.

– Еще по одной?

– Давай уж допьем!

Сергей разлил остатки коньяка. Не чокнувшись, а только отсалютовав друг другу стаканами, мужчины выпили. Сережа закинул в рот конфетку и сказал:

– Ладно, пошел я. Счастливо доработать...

– Пока!

Выйдя за порог, Сергей облегченно выдохнул. Кажется, Сева ничего не заподозрил, поверил в то, что он зашел в

аппаратную затем, чтобы выпить с кем-то, а не выключить камеру. Под наблюдением находился весь периметр деревни. Однако камеры, снимающие ее, Сергея не интересовали. Ему было необходимо отключить ту, которая висела на пальме неподалеку от городка. В поле ее видимости попала тропка, ведущая в джунгли. По ней ему необходимо было пройти никем не замеченным.

Перед тем как ступить на тропу, Сергей зашел к себе, взял мощный фонарь.

Включил он его, только зайдя в джунгли, чтобы свет не привлек ничьего внимания. Все вроде спят, но мало ли...

Сергей шел уверенно. Он отлично знал дорогу. Змей не боялся – был в резиновых ботах.

Пройдя большую часть пути, Сережа остановился, чтобы перевести дух – взял слишком быстрый темп. Джунгли не казались ему опасными, поэтому он спокойно стоял, привалившись к дереву, ипил минералку, захваченную с собой. Возможно, благодаря генетической памяти предков Сергей чувствовал себя в тропическом лесу как дома.

Его папа был индийцем. Он родился в деревеньке, затерянной в джунглях. Отец его был погонщиком слонов, занимался перевозкой древесины – слоны проходили там, куда машины не могли проехать. Сыну он прочил ту же судьбу, но мальчик грезил совсем о другой жизни. Такой, как в фильмах. Один раз отец взял его в город, сводил в кино, и все... Пацан пропал!

В тринадцать лет он сбежал из дома. Подался в Бомбей. Мечтал стать актером, но не вышло. Однако это совсем не значило, что беглец плохо устроился. Благодаря своей эффектной внешности в шестнадцать лет он женился на состоятельной женщине. Она годилась ему в матери, зато была хозяйкой небольшой ткацкой фабрики. А еще не могла иметь детей. Так что после смерти супруги фабрику унаследовал он. К этому моменту будущему отцу Сергея исполнилось всего тридцать два года.

На молодого обеспеченного вдовца началась настоящая охота. Многие отцы мечтали выдать за него своих дочерей, давали за ними отличное приданое. Только молодой обеспеченный вдовец жениться не собирался. Он устал от брака и хотел свободы и развлечений. Продав бизнес, он отправился путешествовать по миру. объехать весь земной шар, как мечталось, не получилось – деньги слишком быстро таяли, но в Россию индеец все же отправился. Воспользовавшись тем, что между СССР и Индией были дружественные отношения, а также близким знакомством с женой посла, он смог получить разрешение на въезд в Советский Союз и пребывание в нем сроком до трех месяцев. Но интересовали его не столько достопримечательности этой «экзотической» страны, сколько женщины. Он обожал белокожих барышень. Он уже познал немку, полячку, англичанку. Но, по отзывам других, лучше русских не было никого.

В этом индеец смог убедиться лично. На русских бары-

чень его внешность производила ошеломляющее впечатление, поэтому недостатка в любовницах не было. Мужчина за несколько дней переспал с дюжиной аборигенок, а от последней из них ему поступило интересное предложение!

В России в то время (в середине восьмидесятых) были очень популярны индийские фильмы. А самым любимым актером являлся Митхун Чакроборти, сыгравший танцора диско в одноименном фильме. Он вышел в восемьдесят третьем, и уже в следующем году все россиянки бредили Митхуном, на которого будущий Сережин отец походил как две капли воды. Женщина, которая стала двенадцатой, организовывала выездные кинолектории, отправляла артистов в провинциальные городки. Они выступали перед публикой, затем показывался фильм с их участием, и все были счастливы: провинциалы – тем, что увидели знаменитость, артисты радовались лишней копеечке. Именно копеечке, потому что львиная доля выручки шла в Госкино. А вот если организовать «левые» выступления да привезти настоящую «звезду», то...

Можно заработать колоссальные деньги.

Так разорившийся вдовец стал Митхуном Чакроборти!

Мама Сережи, романтичная юная барышня, выросшая на индийских фильмах, чуть не умерла от счастья, когда узнала, что в их городок приезжает ее кумир. С невероятным трудом она достала билет. Отдала за него четверть своей стипендии. Шла на кинолекторий на дрожащих ногах. Боялась, что встреча с Митхуном не состоится. Такое бывало! Вместо

заявленной звезды иногда приезжал совсем другой артист, менее известный. Но зря девушка переживала. Митхун приехал! И оказался в жизни еще красивее, чем на экране. А потом произошло чудо! К барышне подошли и сообщили, что ее кумир, сам танцор диско, желает с ней поближе познакомиться.

Их встреча продлилась три часа. Митхун не мог задержаться дольше, но он обещал писать и звонить (взял адрес и телефон), а также обмолвился о том, что всегда мечтал иметь русскую жену.

Не стоит и говорить, что ни звонков, ни писем провинциальная красавица не дождалась... Как и месячных.

Спустя девять месяцев у нее появился сын. Сережа!

О том, что его папа не Митхун Чакроборти, молодая мама узнала из газет. Лжезвезду и его подельницу арестовали очень скоро. За иностранцами в те времена «приглядывали». За теми, кто прибыл из дружественных стран, не так рьяно, как за «империалистами», поэтому «Митхуна» замели не сразу. И все же он попался, был осужден и отправлен в тюрьму. «Танцор диско» решил заработать себе славу хоть на этом и, находясь под следствием, раздал десяток интервью. Прочитав их, многие российские девушки поняли, какими дурами были, безоговорочно веря Митхуну. Сережина мама в том числе! Она, по крайней мере, оказалась умнее многих и не дала ребенку отчества Митхунович. А кто-то и так поступил!

...Сережа допил всю воду. После коньяка его мучила жажда. Бутылку смял и сунул в карман. Нехорошо бросать мусор среди леса!

Он снова включил фонарик и пошел дальше. Воздух был таким же влажным, как и днем, но не жарким, а теплым, и вдыхать его стало приятно. Сергей знал, что остальные так не считают. Всем местный климат казался ужасным, а ему нравился. В полуденный зной, конечно, он испытывал дискомфорт, но после захода солнца все менялось, и Сережа ловил настоящий кайф, находясь в тропиках. В Москве ему было гораздо хуже. Особенно поздней осенью, когда холодно, ветрено, мрачно. А здесь тепло круглый год, зелено, все радует глаз. «Я бы с удовольствием остался в этих краях навсегда, – подумал Сергей. – Возможно, мне это удастся, если я поверну то, что задумал...»

Надрывно закричала птица. Сережа вздрогнул. Горластые пернатые – единственное, что выводило его из себя тут, в тропиках. Из-за них он даже не мог спать. Сергей провел на острове несколько дней, руководил подготовкой к съемкам. Уставал ужасно и все равно ночами просыпался от птичьих криков.

Сережа поднял фонарик. Луч света осветил не тропку, а лес.

– Пришел, – сказал Сережа вслух, увидев ориентир.

Он зашагал быстрее. Чем скорее он закончит, тем лучше, ему надо еще поспать, а вставать рано, утром на материк

ехать. Он собирался туда один, но Ариадна и продюсер Миранян с ним напросились. Они не знали города, тогда как он прекрасно в нем ориентировался. Впрочем, Сергей практически в любом населенном пункте, независимо от размеров, чувствовал себя как рыба в воде уже на второй-третий день. В этом состоял его особый дар! Он мог найти что угодно и кого угодно в наикратчайший срок. К примеру, когда Артуру Мираняну вздумалось поселить участников не в домиках, как планировалось заранее, а в старых, непригодных для жилья хижинах, именно он отыскивал людей, способных быстро их отреставрировать, дешевые материалы, гамаки, циновки, керосиновые лампы. А ведь тогда они только приехали на место!

Сергей остановился у ориентира, вкопанного в землю. Возле него, на небольшой глубине, было зарыто то, ради чего он явился сюда среди ночи. Оставалось ЭТО выкопать и...

Яростно чертыхнувшись, Сергей опустил на корточки. Склеротик! Как он мог лопату забыть? Боты надел, взял воду, фонарик, а самое главное оставил в лагере. Сергей даже вспомнил, где видел лопату, у крайнего домика, в нем Королев обитает. Но он сожалел о той, что оставил у себя в номере. Небольшая штыковая лопатка. Невероятно острая, с удобной ручкой, он приобрел ее специально для себя. Именно ее ему сейчас так не хватало!

Сережа попытался рыть землю руками (для этого, собственно, он на корточки и опустил), но потерпел неудачу.

Она была утоптанная, да еще тяжелая, влажная. Еще раз выругавшись, Сережа поднялся на ноги, отряхнул руки и быстро зашагал в обратном направлении. Но, пройдя несколько метров, он сбавил шаг. Решил поберечь силы, а вернувшись в лагерь, покурить травки для расслабления. Ночь предстоит долгая, и поспать, похоже, ему не удастся!

Глава 5

Стояла глубокая ночь. Все спали, кроме цикад и каких-то птиц, которые иногда вскрикивали в зарослях. Да так страшно, что казалось, будто эти звуки издает смертельно напуганный человек. От них Варвара и проснулась, от этих душераздирающих вскриков.

Спина ныла. Варя, поморщившись, перевернулась на бок, но так лежать тоже было неудобно. Хотелось принять строго горизонтальное положение, распластавшись по ровной поверхности обычной кровати.

Варвара осмотрелась. К ее удивлению, никто не испытывал неудобства. Все девочки сладко спали, вольготно развалившись в гамаках. Варя же было так некомфортно, что она не захотела в своем оставаться, решила немного пройтись, размяться и подышать воздухом.

Выйдя за дверь хижины, она остановилась, решая, куда лучше двинуть. Хотелось, конечно, к океану, но Варя боялась идти через джунгли. Мало ли кто ночью выползает из своих нор. И Варвара направилась туда, где стояли домики съемочной группы. Неподалеку от них протекала речушка, возле которой стояла плетеная лавочка с высокой спинкой, напоминающая диванчик. Над ней смыкались пушистые кроны каких-то лиственных деревьев, и у севшего на лавку-диванчик создавалось ощущение, что он находится в

беседке. Варю вечером успели в ней снять. Это место специально оборудовали для съемок романтических сцен. Неприметные растения вырубали, а в землю вкопали горшки с цветами и гигантскими кактусами (такие на острове даже не росли, их привезли с материка), притащили несколько красивых камней с берега, пальмы оплели гирляндами фонариков в форме лилий. В общем, создали райский уголок для влюбленных. И первыми, кто в нем засветился, были Варя и Саша Шварц.

То, что она ему приглянулась, поняли все: и участники, и ведущая, и режиссер, и сама Варвара. Причем никого его выбор не удивил. Большой, накачанный, не самый сообразительный парень на планете выбрал маленькую, худенькую, умненькую девушку, подтвердив тем самым известную поговорку о противоположностях, притягивающихся друг к другу. Вот только Варю Саша не очень понравился. Внешне – да, ее всегда привлекали крупные сильные мужчины. Она любовалась ими, они соответствовали ее эстетическому вкусу. Но по-настоящему она увлекалась только интеллектуалами. А они, как правило, были неказисты. Да, Варя не исключала того, что есть в мире мужчины одновременно и умные, и красивые, но ей такие не попадались.

Режиссер шоу, Алекс Королев, благодаря которому Варя и попала в число участников, заметив симпатию Шварца к своей протеже, тут же повелел устроить для ребят романтическое свидание. Приказ был исполнен. Так Варя узнала о

местечке для влюбленных, к которому сейчас направлялась.

Фонарики на пальмах не горели, поэтому передвигаться приходилось в темноте. Варя видела не очень хорошо, но слышала, как журчит речушка, поэтому безошибочно шла в нужном направлении. Вскоре она узрела диванчик, сплетенный из светлых прутьев, он первым бросался в глаза. Потом уже Варя смогла рассмотреть все остальное: деревья, цветы, камни и...

Человека! Он сидел на лавочке, над спинкой виднелась только его голова. Волосы сидящего были черными, поэтому Варя не сразу рассмотрела ее. Поняв, что место занято, девушка хотела развернуться и незаметно уйти, но тут под ее ногой хрустнула ветка, и человек резко вскочил с возгласом:

– Кто тут?

– Это я, – ответила Варя. Того же, кто еще секунду назад сидел на диване, она узнала сразу. Это был администратор Сережа.

– А, Варвара, ты... – В голосе Сергея явно слышалось облегчение. – Ты почему не спишь?

– А ты?

– Эти чертовы птицы... Они так орут!

– Да уж.

– Под такое звуковое сопровождение мне кошмары снятся. – Сережу передернуло. – Беруши надо будет купить, когда на материк поеду.

– И мне прихвати, ладно?

– Заметано, – хмыкнул он. – Я завтра рано утром туда собираюсь.

Насколько Варя знала, Сережа остальным участникам не нравился, особенно девочкам. И ладно взрывной и капризной Карине, которой от администратора больше всех доставалось, но и спокойной Маше. Варя же относилась к Сереже хорошо, потому что знала его лучше остальных. Когда она трудилась на телевидении, они несколько раз пересекались в неформальной обстановке. Сергей вне работы был веселым, добродушным парнем. И очень нравился девушкам. Они на нем гроздьями висели, и с вечеринок он никогда не уходил один. Однако на работе, в чем Варя смогла убедиться сегодня, он был суров, а порой и груб. Когда она спросила у Сергея, наоравшего на Карину, почему он так себя ведет, он ответил:

– С участниками реалити иначе нельзя. Особенно с такими, как эта девчонка.

Это было уже третье его шоу, и Варя не стала с ним спорить – наверняка знает, о чем говорит. Больше она с Сережей не заговаривала и старалась держаться от него подальше. Для него ведь она такая же участница реалити, как и остальные, а значит, и с ней он будет суров, а порой груб.

Но сейчас Сергей был совсем не таким. Но и не тем весельчаком, которого она знала когда-то. Он был спокоен, тих, немного грустен и явно нуждался в отдыхе. Варя хотела пожелать ему доброй ночи и уйти, но Сергей попросил:

– Посиди со мной немного...

Варе не хотелось. Она за день так устала от людей, что мечтала забиться в какую-нибудь нору, чтобы побыть в полном одиночестве. Однако она не могла отказать Сереже, видела, что ему не по себе. Поэтому, вместо того чтобы уйти, она опустилась рядом с администратором на диванчик.

Сергей тут же придвинулся к ней и сунул в руку зажженную папиросу. Варя поняла, что он курит анашу.

– Я не буду, – покачала она головой и вернула косяк.

– Зря, успокаивает. – Сергей сделал глубокую затяжку и расслабленно откинулся на спинку диванчика. Тут Варя заметила, что у ног Сергея лежит небольшая лопатка. Хотела спросить, зачем она ему, но задала другой вопрос, больше ее волнующий:

– Ты не боишься курить траву открыто, тут же камеры?

– Та, что снимает этот участок, сейчас отключена. – Он показал на камеру, прикрепленную к пальме. Только тут Варвара заметила, что ее огонек не горит. – Как прошел день? – поинтересовался Сергей.

– Суматошно.

– А это только начало...

– Я думала, потом будет легче.

– Наивная, – улыбнулся Сергей.

– Обживемся, пообвыкнемся, притремся...

– И начнете друг друга жрать. Как пауки в банке. – Сергей повернулся к Варе и пристально на нее посмотрел. – И ты

будешь первой, кого слопают.

– Почему ты так думаешь?

– Не для тебя это. Я, признаться, очень удивился, когда узнал от Алекса о твоём участии в шоу. Мне всегда казалось, что тебе не место на развлекательном телевидении.

– А где мое место?

– Я так и представляю тебя ведущей какой-нибудь аналитической передачи.

Варя рассмеялась:

– Для ведущей аналитической передачи у меня слишком несерьезный вид.

– Просто ты еще молоденькая, а вот станешь постарше...

– И сколько, ты думаешь, мне лет?

– Двадцать два, три?

Варвара опять хохотнула. Она знала, что выглядит от силы на двадцать три. На самом деле ей уже исполнилось двадцать восемь. И не пару-тройку месяцев назад, а почти год назад. Можно сказать, ей практически двадцать девять. Из-за этого ее не хотели брать в шоу. Устроители обозначили возрастной потолок – двадцать семь годиков. Но предпочтение оказывалось ребятам лет двадцати пяти. Чтобы уже не дети малые, но и не перестарки. А тут Варя, которой под тридцать, на кастинг явилась. Была бы просто девочка с улицы, не взяли бы. Пусть и выглядела бы на двадцать три. Но Варвара в течение года светила на телеэкране, ее узнавали, ее имя было на слуху. Не у всех, конечно, но все же. Моло-

дежной аудитории не надо было объяснять, кто такая Варвара Мюллер. Причем все считали, что Мюллер – это псевдоним, и удивлялись, почему Варвара взяла себе именно такой. К ее русскому имени совсем не подходила немецкая фамилия.

На самом деле она Варваре досталась от мужа, Генриха Мюллера.

Супруг (уже бывший) был полной тезкой известного группенфюрера СС, который благодаря фильму «Семнадцать мгновений весны» стал героем анекдотов. Он тоже был немцем, но родился в России. Его отец был из военнопленных, а мать добровольно переселилась в Россию, чтобы воссоединиться с мужем, за которого вышла по огромной любви за неделю до того, как его призвали в ряды немецкой армии. Генриха, родившегося в пятидесятом, назвали в честь деда, а никак не шефа гестапо. Вот только никто в это не верил. И Генриху всю жизнь приходилось доказывать, что его родители не были нацистами. Снимая первые картины, еще в СССР, он вынужден был называться русским именем. В титрах тех фильмов так и было указано: режиссер Геннадий Мюллер. Но даже это не спасало их, картины Генриха пролежали на «полке» до тех пор, пока времена не изменились.

Когда Варвара познакомилась с ним, Мюллеру было уже под шестьдесят. Он снимал кино, эстетское, хвалимое критиками, но отвергаемое массовым зрителем. Варя обожала его фильмы. В этом ее никто не понимал. Как, впрочем, и во

многом другом. Варя и в своем кругу, и в кругу людей, шапочно с ней знакомых, считалась заумной. Возможно, одари ее господь другой внешностью, никого бы не удивлял тот факт, что Варя интеллектуалка. Ее глубокие познания во многих областях, тяга к получению образования, неравнодушные к непростому искусству – все это воспринималось бы как должное. Но Варвара выглядела несерьезно, если не сказать глуповато, и уж точно слишком молодо. Ей, двадцатилетней, можно было дать от силы пятнадцать. Наивный ребенок с огромными карими глазами и рыжими кудряшками, кто будет такого воспринимать всерьез? В институте, куда она поступила с невероятной легкостью, сокурсники не верили, что Варя их ровесница. Ей не предлагали выпить или покурить. Думали, девочка – вундеркинд и окончила школу на пару лет раньше остальных. На улице знакомиться с Варей пытались только тинейджеры. Ровесники, а тем более ребята постарше – никогда. Парень у нее появился лишь на последнем курсе института, и тот был младше. Такой же невысокий и худенький, как Варя, но совсем не такой умный. С ним девушке было неинтересно. Как, впрочем, и кавалеру с ней. Ходить в театр, оперу, на выставки, обсуждать заумные книги, вместо того чтобы, как все нормальные студенты, бегать по дискотекам, покуривать траву или попивать пиво под ржачные комедии, парню быстро надоело. Он бросил Варю через четыре месяца, променяв ее на развеселую тузовщицу.

«Брошенка», естественно, расстроилась. Но не настолько, чтобы впасть в депрессию. Варя поплакала всего один раз. От злости! И решила для себя, что отныне будет встречаться только с теми, кто оценит ее по достоинству.

Такого человека она встретила только спустя полтора года. И это был Генрих Мюллер. В Волгоград, где жила Варвара, он приехал навестить друга. Мужчины отправились в ресторан. В это же время туда пришла Варя с подругой Ларисой. Подруга постарше, ей было уже за тридцать. Тоже рыжеволосая, но высокая, сногшибательно красивая. Мужчины от ее порочного рта и груди пятого размера мигом теряли самообладание. Не стали исключениями и Мюллер с товарищем, сделали на рыжеволосую красавицу стойку, едва она вплыла в зал, и уже через пару минут к ней был послан официант с бутылкой самого дорого шампанского. Не стоит и говорить, что далее последовала просьба присоединиться к мужчинам. Лариса, оценившая их благосостояние, дала согласие на совместный ужин. Она как раз искала состоятельного любовника, и на эту роль, на ее взгляд, годились и тот и другой.

– Я, кажется, знаю одного из них, – шепнула подруге Варя до того, как они пересели.

– Которого: лохматого или лысого? – поинтересовалась Лариса. Лохматый ей нравился больше, он был симпатичнее, но лысый выглядел более респектабельно.

– Последнего. И он не лысый, просто лоб у человека боль-

шой...

– И кто этот большелобый?

– Известный режиссер. Владелец множества премий.

– А где тогда усы? Сбрил?

– У него их никогда не было...

– Значит, это не Михалков?

– Конечно, нет, – не смогла сдержать смешка Варя. – Это Генрих Мюллер. Помнишь, мы с тобой ходили на фильм о любви? Это он снял.

– Эту тягомотину? Я чуть не уснула во время просмотра.

– Ты только не скажи ему об этом.

– За кого ты меня принимаешь? – фыркнула Лариса и, грациозно встав, направилась к столику, за которым сидели мужчины.

Когда все друг с другом познакомились, Варя убедилась в том, что не ошиблась. Перед ней был именно режиссер Мюллер. Едва Лариса услышала его имя, как всплеснула руками и зачирикала: «Вы снимаете потрясающие фильмы! Месяц назад посмотрели последний ваш шедевр и до сих пор под впечатлением...»

После этого Генрих стал смотреть на Лару с еще большим восхищением. Варвару же он как будто не замечал. Впрочем, как и его друг. Оба они не сводили глаз с прекрасной Ларисы. Почему, выяснилось чуть позже, когда с шампанского было решено перейти на коньяк.

– Ларочка, Варе тоже наливать? – спросил друг Генриха,

наклонив бутылку над четвертым бокалом (официанту они разливать коньяк не доверили).

– А почему вы обращаетесь ко мне? – удивилась Лара. – Вы у Вари спросите.

– Но вы же ее мама...

Лариса покраснела от обиды. Она? Мама Вари? Это сколько же, по мнению мужчин, ей лет? Сорок пять? Да она в свои тридцать четыре выглядит на двадцать восемь. Ей все об этом говорят...

– И сколько же, на ваш взгляд, мне лет? – холодно спросила Лара.

– Выглядите вы очень свежо и молодо, но, я предполагаю, что вам уже тридцать пять есть.

– Мне тридцать четыре. А сколько тогда, по-вашему, Варя?

– Семнадцать?

– Мне двадцать четыре, – улыбнулась Варвара.

– Серьезно? Тогда пардон, девочки. А мы решили, что Лара – молодая мама девочки-подростка.

Инцидент был исчерпан. Лариса, правда, немного подулась на мужчин, но они смогли снова заслужить ее расположение, засыпав комплиментами. И на Варю они стали изредка обращать внимание. А когда она, немного опьянев и осмелев, перестала молчать, а начала высказываться, Мюллер и вовсе переключил его с Ларисы на Варвару. Он быстро увлекся роскошными женщинами, но так же скоро терял к ним

интерес, если не обнаруживал внутренней красоты. Лариса показалась ему пустой и фальшивой, и он сразу перестал замечать ее невероятную грудь, ее сочный рот, ее миндалевидные глаза. Тогда как Варя вдруг стала казаться ему невероятно хорошенькой. Она, собственно, и была такой, только Мюллер предпочитал совсем других женщин: рослых, пышных, с крупными чертами лица и длинными волосами. Две его бывших жены были именно такими, роскошными и невероятно умными. Обе ушли от Генриха к другим мужчинам, более земным, надежным. И ладно первая, на ней Мюллер женился в двадцать три года, когда был еще никем и практически не зарабатывал, но вторая... Он, уже известный режиссер, создал для нее все условия, живи и радуйся: отличная квартира, машина, поездки на курорты и фестивали, отдых на яхтах богатых друзей и проход по красной ковровой дорожке. Однако жена все равно ушла от него. И ладно бы к олигарху какому-нибудь, так нет. Нашла себе пусть и не бедного, но всего лишь обеспеченного человека. Она ушла не к красавцу и не к умнику, а к пузатику, ниже ее на полголовы, автослесарю, умудрившемуся разбогатеть. Когда Генрих спросил у супруги, чем он ее привлек, она ответила: «С ним не соскучишься». А потом добавила: «А еще он умеет любить!»

– А я нет? – удивился тогда Мюллер. Он любил ее так сильно, что три года после развода не мог прийти в себя.

Она покачала головой.

– Ты любишь так, как будто снисходишь до меня. Даешь понять, что чувство, которое ты питаешь, должно восприниматься как подарок. Типа, я тебя люблю, чего тебе еще надо?

– Это не так.

– Может, и не так. Но разве тебя поймешь? Ты же такой сложный...

– А тот, другой, простой?

– Да. В его любви я не сомневаюсь. И даже доказательств не требую. Потому что все в нем: взгляд, улыбка, жесты, не говоря уже о поступках, – сплошное доказательство!

Генрих так до конца ее и не понял. Да, он скуп в проявлении эмоций, и с ним сложно ладить, но разве это признак того, что он не умеет любить? Женщины ведь должны чувствовать такое...

Мюллер дал жене развод без колебаний. И, хотя мучительно от нее отвыкал, ни разу не попытался увидеться или хотя бы поговорить по телефону. Вдруг у нее не заладилось с тем автослесарем и она хочет все исправить? Даже если и так, он все равно не принял бы ее. Хотя любил...

Варя, пожалуй, была первой, кто по-настоящему понравился Генриху с тех пор. В этой маленькой девочке была такая глубина...

В день знакомства они ушли из ресторана вместе. Друг Мюллера пошел провожать Лару, Генрих – Варвару. Пока шли, говорили и говорили. Обо всем! А потом еще у подъезда простояли часа полтора. Варя и рада была бы пригласить

Генриха на чай, но жила она с родителями. Так они и мерзли во дворе. Когда стало совсем холодно, распрощались. Но на следующий день снова встретились. И говорили, говорили...

А утром Генрих уехал в Москву. Варя провожала его до вагона. Когда они прощались, Мюллер поцеловал ее в щеку и с грустью сказал: «Если бы вы не были так чудовищно молоды...» На этом он фразу оборвал, развернулся и шагнул в вагон. Варя думала, что он помашет ей из окна, но Мюллер этого не сделал.

Три недели от него не было никаких вестей, хотя Генрих обещал звонить. Варя сначала ждала, а потом перестала, решила забыть Мюллера. Раз он не вспоминает о ней, то и ей ни к чему о нем думать. Да, он очень ей понравился. Просто невероятно. И Варя мечтала о новой встрече с ним, но раз она не нужна Мюллеру, то ничего не поделаешь. Не навязываться же? Да и как, если своего номера он ей не оставил?

Когда Генрих все же позвонил, Варя так обрадовалась, что трубку выронила. И минуты полторы ползала, выискивая ее на полу. Кто бы знал, как она боялась, что за то время, что она делает это, Генрих отключится! Но он дождался ответа. А потом спросил, не собирается ли она в Москву. Варя не собиралась, но быстро выпалила:

– Давно хочу съездить.

– Давайте в эти выходные? В субботу премьера фильма по моему сценарию, и мне очень хотелось бы пойти на нее с вами. Вы, надеюсь, не против?

– Буду счастлива!

В тот же день она побежала за билетом, а в пятницу сядила в поезд Волгоград – Москва. Пойти на премьеру ей было не в чем – ни платья, ни туфель, ни украшений приличных нет, а без этого, по мнению подруги Лары, там делать нечего, но Варя беспокоилась не о том, как будет выглядеть в глазах столичной тусовки, а как встретит ее Генрих. Придет ли на вокзал, с цветами или нет, если да, то куда отвезет потом, к себе или в гостиницу, как будет вести себя с ней, как друг или?..

О, как Варвара переживала, кто бы знал! Но она умела скрывать свои эмоции. Например, о том, что она влюблена в Мюллера, не догадывалась даже Лара. Она думала, что подружке просто льстит внимание известного режиссера. Да и не понимала она, как можно всерьез увлечься немолодым мужчиной весьма посредственной наружности. Да, Генрих не был красавцем. Его нельзя было назвать даже симпатичным. Редкие рыжеватые волосы, бледное морщинистое лицо, длинный нос. Фигура неплохая, подтянутая, одежда на Генрихе отлично сидела, но как его тело выглядело без нее, можно было только гадать. Красивыми у Мюллера были только руки. Ими Варя могла бесконечно любоваться. Длинные тонкие пальцы без растительности, узкие запястья. Когда Генрих жестикулировал, его движения завораживали.

Мюллер встретил Варю на вокзале, но без цветов. Отвез в квартиру, но сам собирался ночевать у друга, который, уехав

на отдых в какую-то экзотическую страну, оставил ему ключ. Вел он себя по-джентльменски, но показывал, что Варя интересуется его не только как друг.

На премьеру она отправилась в платьице из искусственного шелка, в туфельках с рынка и в ожерелье из бисера. Но, по словам Генриха, выглядела лучше всех. Варвара своей свежестью, непохожестью на других так очаровала Мюллера, что он не сдержался и сразу после премьеры признался ей в своих чувствах. Прозвучало это признание довольно сдержанно (никаких охов-ахов, даже слово «любовь» не фигурировало), но Варя чувствовала Генриха, понимала его, поэтому тех фраз, которые были произнесены, ей хватило для счастья. Ее чувства взаимны, разве это не повод для радости?

Секс между влюбленными произошел на следующий день. После обеда в ресторане. Они поели, Генрих пошел Варю провожать и...

Это было неплохо... Но и не хорошо... Странно.

Генрих оказался импотентом. При этом он очень старался доставить Варе удовольствие любыми способами... И ему почти удалось. Но она не смогла расслабиться до конца. Ей еще не приходилось сталкиваться с мужчинами, у которых не функционировало их «достоинство». Кроме самого первого парня, у нее было еще трое. Последний, несвободный, интересный и очень приятный Варваре, разбудил в ней чувственную женщину. Встречаясь с ним, она понимала, что бу-

дущего у них нет, и мучилась угрызениями совести (плохо это – спать с женатым), но ей было так хорошо с ним, что отказаться от сладких минут, порой складывающихся в часы, было выше ее сил. Любовник доводил ее до исступления, сначала ласками, после актом. Он был силен, неутомим, а его половой орган, пусть и не поражающий размерами, – крепок, воинственен. Варваре нравился его... боевой задор! Он возбуждал ее...

А тут...

Пакт о безоговорочной капитуляции!

Но Варвара любила Генриха. Генриха-личность. Генриха-творца. Генриха-умницу. Руки Генриха тоже любила...

Поэтому все остальное было неважно.

Домой Варя уехала, как и планировала, в понедельник утром. Но лишь затем, чтобы уволиться с работы и поговорить с родителями. Объяснить им, почему переезжает жить в Москву. Варвара очень надеялась на то, что они поймут ее, хотя в глубине души сомневалась в этом. Генриху лет больше, чем маме, он дважды разведенный. Родителям не понравится, что их дочь решила связать свою жизнь с таким человеком. А Варя именно этого и хотела – связать жизнь. Генрих не звал ее замуж, только предлагал переехать к нему, но сказал, что не исключает брака. То есть, если Варвара его не разочарует, он на ней женится!

Родители, как она и предполагала, пришли от выбора дочери в ужас. Отец даже не хотел отпускать ее в Москву. Кри-

чал, что не отдаст дочь на растерзание старому похотливому козлу, которому осточертели столичные шалавы и захотелось юной плоти наивной и невинной провинциалочки. Варвара пыталась убедить отца в том, что секс для Генриха совсем не важен, а ее возраст его не столько привлекает, сколько пугает, – все напрасно. «Не поедешь, и точка», – отрезал отец. Пришлось напомнить ему о том, что она уже совершеннолетняя и имеет право сама распоряжаться своей судьбой. В общем, поругалась Варвара с родителями. Правда, мама быстро смягчилась, а вот отец ее даже провожать на вокзал не пошел.

С тяжелым сердцем ехала Варя в Москву. Если раньше ее не мучили сомнения, то теперь стали одолевать. А что, если отец прав? Нет, конечно, не в том, что Генрих старый похотливый козел, а в главном – он Варе не пара. Кто она – наивная провинциалочка? А он – столичная знаменитость. Она – никто. Он – мегаличность. Да, она неглупа, образованна, интересна, но куда ей до Генриха?.. Ничего у них не получится, это явно. Мюллер быстро в Варе разочаруется и попросит его оставить. Если бы Генрих был тем, кем видел его отец, – старым развратником, привязать его к себе было бы легче. Варю все ее мужчины (не считая первого, с которым и секса, можно сказать, не было, только несколько торопливых неумелых совокуплений) называли «горячей штучкой». Она была от природы страстной, к тому же, стремясь во всем достигать совершенства, старалась и в сексе проявлять се-

бя как умелый, знающий человек. Варя читала литературу, смотрела фильмы, а потом применяла полученные знания на практике. С последним, интересным и несвободным, в этом она зашла так далеко, что и сама начала считать себя «горячей штучкой»...

Вот только Генриха Мюллера этим не привлечешь!

Все Варины опасения оказались напрасными. Генрих не только не разочаровался в ней, но так прикипел, что через три месяца после того, как она к нему переехала, сделал предложение.

Пожились Варвара и Генрих солнечным осенним днем. Было тепло, хотя уже была середина сентября, и невеста позволила себе надеть открытое платье. Простое, короткое, на тонких бретельках, с широким атласным поясом, оно очень скромно смотрелось, но очень нескромно стоило. Генрих купил его для Вари в бутике «Шанель». На нем был серый костюм, идеально сидящий на ладной фигуре. Вместе жених с невестой смотрелись прекрасно...

Или им только так казалось?

После брачной церемонии супруги поехали в ресторан, отобедали. Гостей на банкете присутствовало всего четверо, все – друзья Генриха. Своими Варя в Москве еще не обзавелась, а родителей звать на бракосочетание не стала.

В свадебное путешествие отправились в Сочи. Генрих и рад был бы свозить жену куда-то за границу, да у нее паспорта не имелось. На Черном море молодожены пробыли пять

дней, и обоим очень все понравилось. Особенно Варя, которая на курорте была всего один раз и то в очень юном возрасте. «Молодые» много купались, загорали, гуляли. Еще пили чудесное местное вино, ели удивительный шашлык, лакомились спелыми фруктами. Общались...

Секс тоже был, пусть и неполноценный. Генрих иногда доставлял свой женушке удовольствие, а она ему... она... она очень бы хотела... да не могла. «Виагру» Генрих категорически отказывался принимать. При этом несколько раз заикался о детях. Говорил, что в современном мире для того, чтобы их завести, мужчине совсем не обязательно входить в женщину. Варвара внимала ему и со всем соглашалась, ведь ее супруг так умен!

По возвращении ничего не изменилось. Мюллеры так же прекрасно ладили, хотя Варя нашла себе работу. Когда один из друзей Генриха предложил вести программу на телевидении, она мгновенно отказалась. По многим причинам. Первая – что мужу не понравится, вторая – она не справится, третья – это совсем не то, чем ей хотелось бы заниматься. Однако, немного подумав, она спросила у мужа совета. И, к ее огромному удивлению, он не только не выказал недовольства, но и очень ее поддержал. Сказал: «Я давно думал о том, что тебе нужно найти какое-то занятие, так почему не стать телеведущей?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.